

ПАМЯТЬ
II
ЧУЖОЕ
ЗАВТРА

ИНОГДА ТЫ ВИДИШЬ БУДУЩЕЕ.
НО ЧЬЁ ОНО?

НИКИТА ДАНИЛОВ

Никита Данилов

ЧУЖОЕ ЗАВТРА

<https://litres.ru/74421097>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь месяцев Виктор и Север учились говорить через разрыв между двумя версиями Реченска. Теперь связь приносит предупреждения о событиях, которые ещё не произошли. Но будущее сбывается неправильно: совпадают места, время и детали, а люди и причины оказываются другими. Пока Виктор пытается понять природу сообщений, из документов и памяти начинают исчезать знакомые. На их месте возникают безупречные биографии, объясняющие, почему этих людей будто никогда не существовало. Бумажный билет, детский рисунок и повреждённая кассета становятся последними следами тех, кого мир уже исправил. Расследование приводит к открытию: Север помнит не будущее Виктора, а прошлое реальности, опережающей его мир на одиннадцать дней. И теперь эта реальность обречена. Чтобы сохранить следы исчезающих людей, героям придётся решить, где проходит граница между спасением и присвоением чужой жизни. Но имеет ли память право пережить человека, если сам человек не давал на это согласия?

Содержание

Часть I. Предварительные события	4
Глава 1. Чужое завтра	4
Глава 2. Одиннадцать дней	21
Глава 3. Условие проверки	40
Глава 4. Другой пострадавший	57
Глава 5. Два прогноза	76
Глава 6. Третий голос	96
Глава 7. Несбывшееся	112
Глава 8. Карта ошибок	132
Часть II. Пропавшие связи	152
Глава 9. Имя на чеке	152
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Никита Данилов

ЧУЖОЕ ЗАВТРА

Часть I. Предварительные события

Глава 1. Чужое завтра

Первым пришёл запах горячей резины.

Виктор стоял на кухне Дарьи и резал персик для Сони. Нож вошёл в мякоть возле косточки, липкий сок потёк по пальцам. За открытым окном шуршали липы, во дворе кто-то тряс коврик с балкона, и июльский воздух пах нагретой пылью. Резине взяться было неоткуда.

Потом под левой ладонью появился асфальт.

Шершавый, горячий, с мелкими стеклянными крошками. Виктор ещё держал нож правой рукой, видел жёлтую тарелку и половину персика, но одновременно опирался на дорогу другим телом. Чужое колено саднило. Во рту стоял вкус железа. Совсем близко работал двигатель, захлёбываясь на низких оборотах.

Виктор положил нож на стол.

– Пап? – позвала Соня из комнаты.

Он не ответил. Они с Севером договорились: если фраг-

мент приходит без вызова, первые двенадцать секунд нельзя ни двигаться, ни пытаться понять. Только отмечать последовательность.

Красный свет над перекрёстком.

Белая маршрутка поперёк трамвайных путей.

Мужчина лежит у заднего колеса, лицом вниз. На нём рубашка с мелкими синими клетками. Правая туфля слетела и оказалась у рельса.

Кто-то кричит: «Не поднимайте его».

Север не кричит. Он уже на коленях, раскрывает медицинскую сумку и смотрит не на мужчину, а на женщину в салоне маршрутки. Женщина прижата к окну. На стекле возле её головы расходится белая звезда.

Светофор меняется с красного на зелёный с заметным опозданием. Остальные сигналы уже погасли, красный продолжает гореть ещё одно короткое мгновение и только потом уступает зелёному.

Дальше пришло знание без изображения: Север вызвал вторую бригаду в 17:43.

Фрагмент оборвался.

Виктор увидел собственную руку на краю стола. Сок успел дойти до запястья. Часы показывали 17:43.

Из комнаты вышла Соня. За восемь месяцев она стала выше ровно настолько, чтобы Виктор каждый раз замечал это у двери и не мог сказать, что именно изменилось. Волосы были собраны в небрежный хвост, на щеке осталась голубая

полоска от фломастера.

– Ты опять считаешь? – спросила она.

– Уже нет.

– Ты не отвечал.

– Двенадцать секунд.

– Они длиннее, когда ты с ножом.

Виктор отодвинул нож к стене и вытер ладонь полотенцем. Дарья просила не говорить при Соне «приступ» и не заменять его словом «связь», будто второе само по себе было безопаснее. Они остановились на «фрагменте». Соня согласилась, но иногда называла это отсутствием.

– Что ты хотела? – спросил Виктор.

– Персик. До того как он станет медицинским доказательством.

Он отдал ей чистую половину. Свою положил на тарелку и записал время на бумажной карточке, прикреплённой к холодильнику. Телефон для первичной записи они больше не использовали. Ася доказала, что приложение автоматически исправляло время на несколько секунд, если сеть запаздывала. Для обычного человека это не имело значения. Для них несколько секунд иногда были всем наблюдением.

На карточке уже стояли две строки за июль.

12.07, 06:18. Запах хлорки, правая рука, без сцены.

16.07, 23:04. Север: лестница, зелёная дверь, фраза не принята.

Виктор добавил третью. Писал только то, что мог отделить

от догадки: резина, асфальт, маршрутка, трамвайные пути, мужчина, женщина, красный сигнал, 17:43.

Слово «авария» оставил за пределами карточки.

– Это плохое? – спросила Соня.

– Да.

Она жевала персик, стоя у окна. Раньше Виктор ответил бы точнее, перечислил бы, что видел, и задал пару вопросов о знакомых местах. После ноября у них существовало правило: Соня сама решает, сколько хочет знать о чужих воспоминаниях. Он должен был ответить достаточно, чтобы её не обманывать, и остановиться.

– С кем-то, кого я знаю?

– Я не знаю.

– Тогда пока не рассказывай.

– Хорошо.

Она унесла тарелку. Виктор услышал, как закрылась дверь её комнаты, и только после этого позволил себе сесть.

В первые месяцы Контур и Север пытались держать связь по расписанию. В семь утра и в одиннадцать вечера они включали одинаковую ноту, касались большим пальцем края кружки и вспоминали выбранный предмет. Иногда проходило число. Иногда цвет. Дважды Виктор получил чужую головную боль без единого полезного образа. Потом Дарья потребовала сократить опыты до двух в неделю.

Связь стала реже и точнее. Это успокаивало всех, кроме Виктора.

Он поставил на телефон таймер на двадцать минут и лёг на диван в гостиной. Не для нового контакта. После сильного фрагмента Дарья требовала тишины, воды и проверки простых собственных воспоминаний.

Сегодня утром он отвёз Соню из художественной студии. Они купили персики у киоска возле остановки. Продавец положил один лишний и сказал, что слишком мягкий всё равно не доживёт до завтра. Дарья была на дежурстве и должна вернуться после восьми.

Все три воспоминания пришли с местом, последовательностью и обычной внутренней неловкостью. Чужого эмоционального остатка в них не было.

Зато колено продолжало болеть.

Виктор закатал штанину. Кожа была чистой. Прикосновение не усилило боль, но в памяти ладони снова проступил горячий асфальт. Он убрал руку.

Телефон завибрировал раньше таймера. Дарья написала, что освободилась и идёт от остановки. Виктор ответил сразу: Был сильный фрагмент. Соня дома. Нож убрал.

Последняя фраза выглядела нелепо, пока он не представил рассказ Сони.

Дарья вошла через девять минут. Не сняла очки, хотя они запотели с улицы, сначала посмотрела на Соню, потом на карточку у холодильника.

– Тошнота?

– Нет.

- Речь?
- Слово “маршрутка” вспомнил не сразу.
- Не сразу это сколько?
- Секунды три.
- Головная боль?
- Пока нет. Болит левое колено, но не моё.

Дарья сняла очки и только тогда поздоровалась. Соня выглянула из комнаты, получила разрешение заказать лапшу вместо приготовленного ужина и вернулась к рисунку. Такой порядок Виктору казался семейным, хотя он по-прежнему не жил здесь и оставлял зубную щётку только в те недели, когда Дарья дежурила ночами.

Она проверила его зрачки, попросила коснуться носа, назвать дату и перечислить последние три места, где он был. Виктор ответил. На вопрос о дате сказал: «Двадцатое июля, суббота».

Дарья посмотрела на часы.

– Теперь рассказывай.

Он пересказал фрагмент по карточке. Отдельно добавил время вызова и совпадение с собственными часами. Дарья записала давление, но не стала комментировать.

– Ты уверен, что мужчина был пострадавшим? – спросила она.

– Он лежал у колеса.

– Это ответ на другой вопрос.

– Север смотрел на женщину в салоне. Возможно, мужчи-

на уже не нуждался в помощи.

– Или помогал кому-то и лёг сам. Или его попросили не двигаться. Или ты соединил положение тела со словом “пострадавший”.

– Я не записал слово.

– Вижу.

Дарья провела пальцем под строкой о светофоре.

– Красный запоздал относительно чего?

– Остальные сигналы уже сменились.

– Ты видел остальные?

Виктор вернулся к сцене. Попытка вспомнить её намеренно вызвала лёгкую тошноту. Он видел красный круг, тёмный корпус светофора и зелёный отблеск на белом боку маршрутки. Сам зелёный сигнал мог находиться за его спиной.

– Нет. Только отражение.

Дарья зачеркнула слово остальные на отдельном листе, не на его карточке.

– Марк знает?

– Нет.

– Ася?

– Нет.

– Север вызывал контакт?

– Мы не договаривались на сегодня.

– Значит, сначала состояние, потом проверка места, потом обсуждение. Именно в таком порядке.

– Если это уже произошло у него, ждать опасно.

Дарья положила ручку.

– Для кого?

– Для людей в маршрутке.

– Где маршрутка?

Виктор назвал трамвайные пути и замолчал. В Реченске было четырнадцать пересечений автомобильных дорог с действующими путями, если не считать депо. Белых маршруток несколько сотен. Времени у него было только одно число, которое могло обозначать не время события, а время вызова.

– Я не предлагаю ездить по городу и останавливать транспорт, сказал он.

– Ты уже начал это предлагать у себя в голове.

– Я предлагаю найти перекрёсток.

– После осмотра.

– Ты меня осмотрела.

– После нормального осмотра, а не кухни и фонарика от телефона.

Когда Дарья раздражалась, короткие фразы исчезали. За следующие две минуты она подробно объяснила, почему отсутствие судорог не доказывает отсутствие перегрузки, почему чужая боль в колене важнее красивого совпадения часов и почему человек, один раз спасший дочь благодаря переданному маршруту, особенно склонен считать всякий новый фрагмент задачей.

Виктор выслушал до конца.

– В девять клиника уже закрывается, сказал он.

– Я позвоню дежурному.

– И что ты ему скажешь?

– Что у моего пациента эпизод нарушения автобиографической памяти с соматическим остатком.

– Бывшего мужа.

– Пациента. Так проще получить кабинет.

Соня снова появилась в дверях.

– Лапша приехала.

Домофон молчал.

Через секунду раздался звонок.

Все трое посмотрели в сторону прихожей. Соня пожала плечами.

– Он написал, что подъехал.

Она показала экран. Сообщение пришло минуту назад, но прочитала она его только сейчас.

Виктор выпустил воздух, который успел задержать.

– Я открою, сказала Соня. – Это не предсказание.

После еды они поехали в клинику. Соня осталась с Антоном, братом Аси, который жил в соседнем квартале и согласился прийти с ноутбуком и двумя пакетами сладкого попкорна. Дарья запретила Виктору брать карточку с собой. Он сфотографировал её, затем по её взгляду положил телефон обратно.

– Я помню восемь строк, сказал он.

– В этом и проблема.

В пустом кабинете пахло антисептиком и прогретым пла-

стиком жалюзи. Дежурный врач сделал обычные тесты, взял кровь и предложил госпитализацию для наблюдения. Виктор отказался. Дарья не спорила при нём, только попросила записать отказ.

Врач был молодой, с красным следом от маски на переносице. Он трижды назвал Дарью по имени и отчеству, хотя она представлялась только по фамилии. Возможно, прочитал бейдж, который она забыла снять после смены. Виктор поймал себя на попытке выяснить, откуда взялось имя, и заставил себя смотреть на таблицу для проверки зрения.

– Сейчас июль или октябрь? – спросил врач.

– Июль.

– Почему вы задумались?

– Потому что вопрос слишком простой.

– Простые вопросы обычно раздражают людей, которые боятся ошибиться.

– Меня раздражают вопросы с очевидным ответом.

Дарья у окна тихо сказала:

– Это и есть его обычная реакция.

Виктор назвал год, город, адрес кабинета и имя дочери. Потом врач попросил пересказать дорогу от дома до клиники. Виктор начал с трамвайной остановки, дошёл до аптеки напротив перекрёстка и увидел перед собой электронное табло, которого на самом деле там не было. На их улице аптека называлась «Фарма», вывеска была печатной и показывала только круглосуточный режим.

- Остановились почему? – спросил врач.
- Добавил чужой предмет.
- Какой?
- Табло с датой.
- Вы видели его сегодня?
- Нет.
- Раньше?
- Не здесь.

Дарья не вмешалась. В таких кабинетах она становилась не бывшей женой и не врачом, который восемь месяцев вёл его наблюдения, а человеком, обязанным позволить коллеге увидеть симптомы без готовой рамки.

Молодой врач попросил Виктора запомнить пять слов: мост, ткань, соль, стекло, июль. Через несколько минут Виктор повторил все пять. Вместе со словом стекло пришла белая звезда на окне маршрутки. Он не сказал об этом сразу, и врач заметил задержку.

- Образ?
- Да.
- Ваш?

Виктор посмотрел на Дарью.

Она ждала ответа, не подсказывая.

- Я его пережил, сказал он. – Но событие не моё.

Врач записал фразу дословно. Раньше Виктор исправил бы не моё на не относится к моей биографии. Сейчас длинная версия казалась не точнее, а удобнее.

После тестов ему дали пластиковый стакан воды. Вода была тёплой и пахла одноразовой посудой. Он выпил всё, хотя тошнота уже прошла. На стене висели часы без секундной стрелки. Виктор несколько раз посмотрел на них, ожидая обнаружить расхождение со своими, затем снял наручные часы и положил циферблатом вниз.

Дарья увидела движение.

– Зачем?

– Чтобы перестать сравнивать.

Она ничего не ответила, но впервые после кухни села рядом, а не напротив.

На выходе она сказала:

– До утра никаких опытов.

– Если Север попробует связаться?

– Запишешь минимум и не ответишь.

– Он может считать молчание сигналом опасности.

– Вы предусмотрели пропуск сеанса?

– Да.

– Тогда воспользуйся собственным правилом.

Они шли к остановке. В десять вечера асфальт всё ещё отдавал дневное тепло. На перекрёстке загорелся красный. Виктор смотрел, как погас зелёный для машин, затем включился пешеходный сигнал. Никакой задержки.

– Ты всё равно будешь искать место, сказала Дарья.

– Утром.

– До результатов?

- Вместе с Асей. По открытым схемам маршрутов.
- Это уже звучит как решение, принятое до разговора.
- Тогда давай поговорим сейчас.

Дарья поправила очки на цепочке. Раньше такой разговор быстро превращался бы в спор о том, кто имеет право запрещать. Теперь запрет был бы удобнее для обоих, поэтому она его не дала.

– До полудня, без выезда на место и без Марка, сказала она. – Если появится хоть один новый телесный симптом, прекращаете.

– Почему без Марка?

– Потому что он найдёт маршрутку раньше, чем вы договоритесь, что делать.

Это было справедливо. Виктор не сказал «согласен», потому что согласие звучало бы как уступка ей, а не собственное решение.

– Напишу Асе утром, сказал он.

Дарья кивнула.

На другой стороне улицы трамвай повернул к мосту. За ним на секунду показалась белая маршрутка. Целая, пустая, слишком далеко, чтобы различить номер. Виктор проследил за ней до следующего дома и не пошёл через дорогу.

Ночью он спал у себя. Поставил стакан воды рядом с диваном, карточку оставил в квартире Дарьи. Журнал открыл на чистой странице и записал только результаты осмотра. Давление выше обычного. Координата сохранена. Чужая боль

исчезла через два часа. Собственные события дня доступны.

К последней строке он добавил вопросительный знак, затем зачеркнул. Проверка собственных событий всегда начиналась уверенно и быстро превращалась в ловушку. Он мог описать киоск, мягкий персик и голубой фломастер на щеке Сони. Но продавец говорил с ним или с женщиной перед ним? Соня выбрала жёлтую тарелку или тарелка уже стояла на столе? Любое обычное воспоминание распадалось, если требовать от него точности протокола.

Восемь месяцев назад это пугало бы его больше самой чужой сцены. Теперь он оставил три неточности неточностями.

На книжной полке стояли семь журналов. Первый Виктор исписал за две недели, заполняя поля, обороты обложки и отдельные вкладыши. В нём каждое ощущение получало время, возможный источник и три версии объяснения. Последний журнал за лето был заполнен меньше чем наполовину. Не потому что связь ослабла. Виктор научился не превращать отсутствие записи в отсутствие события.

Он достал папку с правилами, которую они составили после комиссии Севера. На первой странице были три подписи: его, Дарьи и Аси. Соня отказалась подписывать взрослый документ и написала на отдельной полоске бумаги: Про меня спрашивать меня. Полоска хранилась в прозрачном кармане над правилами.

Пункт шестой запрещал использовать сведения для вмешательства, если неизвестны место, время и проверяемый

риск. Пункт девятый требовал сообщать о телесном остатке до следующего сеанса. Пункт одиннадцатый разрешал прервать любой опыт без объяснения причины.

Виктор дошёл до пустого места между десятым и одиннадцатым пунктами. Когда они печатали правила, принтер протянул бумагу рывком и оставил лишний интервал. Марк предлагал вписать туда: Если всё получилось, сначала убедиться, что получилось именно это. Дарья сказала, что шутка слишком похожа на правило. Ася предложила оставить место свободным для первой ошибки, которую они ещё не умеют представить.

Теперь Виктор написал карандашом на полях: Сведения могут относиться к более поздней дате.

Формулировка выглядела осторожной и всё равно содержала вывод. Он стёр слова более поздней, оставил только: Дата источника требует отдельной проверки.

Телефон лежал экраном вниз. В нём не могло быть сообщения Севера. Их телефоны существовали в разных квартирах и, возможно, в разных городах с одинаковым названием. Но после намеренных сеансов Виктор иногда открывал переписку с собственным номером и находил там набранные им заметки, которых не помнил. Они договорились считать это не почтой между мирами, а способом фиксировать процедурный отклик. Большая часть заметок состояла из одного слова или четырёх цифр.

Сегодня папка была пуста.

Он мог включить си-бемоль, взять серую чашку и вызвать условный сигнал. Север, если не спал и находился возле своего приёмника, ответил бы кодом состояния. После ноябрьского тоннеля они проверяли так друг друга каждую ночь. К марту оставили три сеанса в неделю. В июне Север дважды не ответил и позже передал память о смене, закончившейся слишком поздно. Мир не разрушился от пропущенной проверки.

Виктор положил чашку обратно в шкаф.

Он написал Асе отложенное сообщение на восемь утра: Нужны все пересечения маршрутов с трамвайными путями. Только открытые данные. До полудня без выезда. Потом добавил: Дарья знает.

Указание раздражало его самого. Оно звучало как справка о полученном разрешении. Виктор заменил последнюю фразу: Условия согласованы втроём, подтвердим утром.

Марк получил бы другое сообщение. Виктор набрал его имя и остановился. В июле студия едва держалась на двух заказах, один из которых Марк снова обещал закончить к пятнице. Предупреждение об аварии дало бы ему сюжет, а сюжет быстро стал бы причиной звонить в транспортное управление, искать водителей и задавать вопросы родственникам ещё не пострадавших людей.

Виктор закрыл контакт, не отправляя ничего.

За окном прошла поливальная машина. Влажный асфальт на минуту запах горячей пылью и резиной. Совпадение мог-

ло вызвать новый фрагмент, но принесло только собственное воспоминание о дворе Дарьи и ноже возле персика.

Он лёг, оставив журнал закрытым. Сон пришёл не сразу. Снизу хлопнула подъездная дверь, кто-то поднялся на лифте, сосед включил воду. Каждый звук имел источник в этом доме.

В 03:17 Виктор проснулся от красного света.

Он лежал с закрытыми глазами, но видел светофор на фоне бледного неба. Под ним стояла та же белая маршрутка. Дверь была открыта. Человека у колеса уже не было. Север сидел на бордюре и держал медицинские перчатки в левой руке.

На электронном табло аптеки через дорогу горела дата: 31.07.

Север поднял голову, словно услышал вопрос.

Потом красный сигнал погас. Зелёный включился не сразу.

Между ними оставалась короткая тёмная пауза.

Виктор открыл глаза. Комната была обычной. Красный огонёк на удлинителе горел у пола, часы показывали 03:18.

Он не стал вызывать Севера. Записал дату на отдельном листе и положил его лицевой стороной вниз.

До конца июля оставалось одиннадцать дней.

Глава 2. Одиннадцать дней

Красный не погас.

Север увидел это за секунду до удара. Машины на поперечной улице уже тронулись, водитель белой маршрутки отпустил тормоз, а круглый красный сигнал над трамвайными путями продолжал гореть. В его стекле отражался зелёный с другого направления, поэтому на миг оба цвета оказались один над другим.

Маршрутка выехала на рельсы.

Слева пришёл глухой металлический звук. Не визг тормозов, а короткий удар сцепки о заднюю стойку. Вагон двигался медленно после остановки, но его массы хватило, чтобы развернуть маршрутку поперёк путей и прижать передним колесом к бордюру.

Север уже открывал дверь скорой.

– Вторую бригаду и пожарных, сказал он водителю. – Трамвай обесточить.

– Там человек.

Мужчина в клетчатой рубашке лежал у заднего колеса лицом вниз. Правая туфля слетела и остановилась возле рельса. Женщина внутри маршрутки была прижата плечом к окну; рядом с её головой расходилась белая трещина.

Север опустился рядом с мужчиной.

– Не поднимайте его, крикнул кто-то из пассажиров.

– Я и не собирался.

Мужчина открыл глаза и выругался. Дышал ровно. Кровь на губе была его, кровь на рукаве чужая.

– Сколько вас задело? – спросил Север.

– Я вытаскивал девочку. Потом эта дура дёрнулась.

Маршрутка стояла. Дёрнулась она во время удара, но спорить с человеком на асфальте было незачем. Север зафиксировал ему шею, быстро проверил конечности и передал прибывшему санитару. Мужчина оказался не главным пострадавшим. Через минуту он уже сидел у бордюра и требовал найти вторую туфлю.

Север поднялся к открытой двери маршрутки.

Там пахло охлаждающей жидкостью, горячей резиной и сладкими духами. Женщина у окна держала левую руку у живота. Вокруг запястья намотался ремень сумки. Рядом плакала девочка лет двенадцати, целая, если не считать рассечённой брови.

– Смотрите на меня, сказал Север женщине.

Она посмотрела мимо него.

В этот короткий промежуток вместо лица женщины он увидел жёлтую тарелку. На ней лежала половина персика. Чужая правая рука отодвигала нож к стене.

Север моргнул. Тарелка исчезла.

– Как вас зовут?

– Ирина.

– Ирина, где болит?

Она снова прижала руку к животу.

Север подозвал спасателя, велел не тянуть женщину через дверь до фиксации машины и полез внутрь. Пол был наклонён. Подошва скользнула на рассыпавшихся стеклянных крошках, левое колено ударилось об край ступеньки. Боль пришла яркая, но обычная. Он отметил её и продолжил.

В 17:43 Север запросил вторую бригаду повторно. Диспетчер ответила, что вызов уже принят. Её голос прошёл одновременно с другим, едва различимым вопросом.

Красный запоздал относительно чего?

Север не слышал слов ушами. Они возникли готовой последовательностью, произнесённой более медленным голосом. Контур.

– Относительно зелёного, сказал Север вслух.

Ирина решила, что ответ предназначен ей.

– Я не смотрела на светофор.

– И не надо. Смотрите сюда.

Он проверил пульс, попросил пошевелить пальцами и назвал каждое действие перед тем, как коснуться её. После истории с пациентом это стало обязательной привычкой. Не правилом службы, а собственным способом не позволять решению опережать проверку.

Вторая бригада приехала через семь минут. Ирина была в сознании, давление снижалось медленно, признаков массивного кровотечения не было. Девочку вывели через заднее окно. Водитель маршрутки сидел на земле возле переднего

колеса и повторял, что ехал на зелёный.

Север передал пострадавших и вернулся к светофору.

Красный теперь работал нормально. Сначала загорелся жёлтый, потом зелёный для поперечной улицы. Технический специалист транспортной службы открыл шкаф управления и сфотографировал реле.

– Было перекрытие фаз? – спросил Север.

– Вы водитель?

– Скорая.

– Тогда занимайтесь скорой.

– Мне нужно знать, мог ли красный гореть вместе с зелёным.

Техник пожал плечами.

– Если контроллер живой, не мог.

– А если нет?

– Тогда погасло бы всё.

Он захлопнул металлическую дверцу. На внутренней стороне была приклеена карточка последнего обслуживания. Дата расплылась от масла, но время проверки читалось: 16:55. Подписи не было.

Север сфотографировал карточку. Техник заметил движение и потребовал удалить снимок. Пришлось показать экран и стереть фотографию при нём. Север не сказал, что успел прочитать четыре цифры наряда в нижнем углу.

4813.

Код мог быть случайным. В городе существовали тыся-

чи четырёхзначных номеров. Но именно эту последовательность Север и Контур выбрали для подтверждения связи, потому что она уже принадлежала их общей истории.

Он отошёл к бордюру. Электронное табло аптеки показывало 31 июля и двадцать восемь градусов. Красные цифры дрожали в нагретом воздухе.

На другой стороне перекрёстка стоял мужчина в серой рабочей куртке. Лицо Север видел впервые. Мужчина смотрел не на маршрутку и не на трамвай, а на шкаф управления. За левым ухом белел короткий шрам.

Север направился к нему.

Мужчина вынул из кармана сложенную бумагу, развернул один раз, затем передумал и убрал обратно. Движение было знакомым. Не само складывание, а пауза большого пальца на сгибе.

– Транспортная служба? – спросил Север.

– Нет.

– Вы видели момент столкновения?

– После.

– После чего?

Мужчина посмотрел на светофор. Красный загорелся вовремя.

– Когда уже стояли, сказал он.

– Кто стоял?

– Все.

Ответ мог означать машины, людей или трамвай. Север

сделал ещё шаг, чтобы рассмотреть шрам. Мужчина не отступил. От него пахло пылью и машинным маслом, обычной работой где-то рядом.

– Как вас зовут?

– Не для протокола.

– Протокола пока нет.

– Будет.

Техник у шкафа крикнул, чтобы не заходили за ограждение. Север обернулся на голос. Когда посмотрел снова, мужчина шёл к остановке. Не исчез, не оказался сразу на другой стороне улицы. Просто вошёл в группу пассажиров и скрылся за автобусом.

Север не пошёл следом. На месте оставались трое пострадавших и водитель, который уже начал менять собственную версию сигнала.

В больнице Ирину отправили на обследование. Подозрение на внутреннюю травму не подтвердилось. Мужчина в клетчатой рубашке получил растяжение и четыре шва на подбородок. Девочке обработали бровь, после чего она спросила, можно ли забрать из маршрутки рюкзак.

К концу смены авария уменьшилась до набора форм: время, фамилии, предварительные диагнозы, номера машин. Север заполнял карту вызова и следил, чтобы не вписать в неё ничего из чужого фрагмента. Персик не относился к происшествию. Жёлтая тарелка тоже. Вопрос о красном свете мог принадлежать Контуру, но доказать это было невозмож-

но.

В графе времени повторного вызова стояло 17:43.

Он не исправлял его.

Ольга Круглова позвонила около девяти. После истории с тоннелем она просила сообщать о происшествиях возле «Литейной», но этот перекрёсток находился в трёх остановках от станции.

– У тебя фамилия в списке свидетелей, сказала она.

– Я был в бригаде.

– До приезда второй ты разговаривал с водителем.

– Он сказал, что ехал на зелёный.

– А ты видел?

– Красный не погас вовремя.

На линии стало тихо.

– Повтори без вывода.

Север описал сигналы. Красный горел. На боку маршрутки появился зелёный отблеск. Машины с поперечной улицы начали движение. Сам зелёный сигнал он не видел.

– Так и запишем, сказала Круглова. – Про мужчину в серой куртке что-нибудь ещё?

– Ты откуда знаешь?

– Техник сказал, что какой-то человек мешал у шкафа.

– Он пришёл после столкновения.

– Уверен?

Север вспомнил первые секунды. Мужчина в клетчатой рубашке, туфля у рельса, Ирина в салоне. Серой куртки не

было. Но он смотрел на пострадавших, а не на тротуар.

– Увидел его после, сказал он.

– Это не тот же ответ.

Фраза была похожа на Дарью, хотя Север слышал её только через память Контура. Он почти улыбнулся.

– Запиши второй.

– Шрам?

– За левым ухом.

– Как у твоего гостя в ноябре?

– Похожее место. Другой человек.

Круглова попросила не искать свидетеля самостоятельно. Север сказал, что не собирался. В этот раз ложь была маленькой: он уже запомнил направление автобуса и мог проверить камеры остановки.

Через десять минут Круглова прислала два кадра с муниципальной камеры. На первом белая маршрутка уже стояла поперёк рельсов. Мужчина в серой куртке входил в левый край изображения, лицо закрывала поднятая дверь легковой машины. На втором он находился возле шкафа, а техник ещё не успел поставить ограждение. Между кадрами прошло сорок три секунды.

До столкновения его нет, написала Круглова. Это не значит, что он не стоял вне кадра.

Север увеличил первый снимок. Шрам не был виден. Бумага торчала из наружного кармана куртки, сложенная обычным прямоугольником. Возле левого ботинка лежал тёмный

предмет, похожий на перчатку или обломок пластика.

Он ответил: Увидел после. Причинную связь не устанавливаю.

Круглова поставила отметку о прочтении, но ничего не написала. Потом прислала третий кадр. Мужчина уходил к автобусу. На месте тёмного предмета остался светлый прямоугольник, хотя ни перчатки, ни бумаги на асфальте не было.

Компрессия, написал Север.

Возможно, ответила она.

Он сохранил снимки в папку с аварией, не в папку связи. Разделение имело значение хотя бы для него. Если положить человека со шрамом рядом с ноябрьской записью, сходство начинало объяснять всё раньше, чем появлялся вопрос. Если оставить его свидетелем дорожного происшествия, у него сохранялась обычная биография, которую ещё можно было найти.

В комнате отдыха водитель скорой разогревал гречку в пластиковом контейнере. Он видел столкновение через лобовое стекло и был уверен, что маршрутка поехала на зелёный.

– Сам сигнал видел? – спросил Север.

– Отражение на борту.

– Я тоже.

– Значит, видел.

– Значит, мы видели одну и ту же белую поверхность.

Водитель закрыл микроволновку.

– Ты после комиссии стал разговаривать как следователь.

– Следователь хотя бы получает зарплату вовремя.

Они просмотрели запись регистратора. Удар попал в кадр, светофор нет. На боку маршрутки действительно вспыхнул зелёный. За две секунды до этого по белой панели прошёл красный отблеск, затем оба цвета на один кадр наложились. Камера могла смешать последовательные изображения. Глаз тоже мог.

Север скопировал только исходный файл и записал модель регистратора. Водитель предложил отправить ролик городскому каналу. Север отказался.

– Там лица.

– И что? На улице снимали.

– Девочка не соглашалась становиться доказательством плохого светофора.

– Ты у неё спрашивал?

Север посмотрел на остановленный кадр. Бровь девочки была в крови, рот открыт. Он не спрашивал.

– Нет, сказал он. – Поэтому и не отправляем.

До конца смены он трижды возвращался к кадру с наложенными цветами. Каждый раз красный казался короче. На четвёртый просмотр Север закрыл файл. Изображение не менялось. Менялась уверенность человека, который слишком долго на него смотрел.

Домой он вернулся после десяти. Нина сидела на полу ра-

бочей комнаты и раскладывала образцы плитки по оттенку. Окно было открыто, из площади тянуло тёплым воздухом и запахом воды от поливальных машин.

– Ты хромаешь, сказала она.

– Ступенька.

– Ступенька напала?

– Я вошёл первым.

– Значит, ты напал.

Она подвинула коробку, освобождая ему проход. Север сел на край стола и снял ботинок. Колено распухло, но сгибалось. Нина принесла холодный пакет из морозилки, завернула в полотенце и положила ему на ногу.

– Кто пострадал?

– Женщина, мужчина и девочка. Все живы.

– Из-за светофора?

– Пока неизвестно.

– Ты говоришь “пока”, когда уже выбрал версию.

Север посмотрел на разложенную плитку. Два серых образца казались одинаковыми, но Нина держала их в разных рядах. Раньше он спросил бы, зачем хранить оба. Теперь знал ответ: одинаковыми они были только для человека, который по ним не ходил.

– Красный запоздал, сказал он.

– Насколько?

– Меньше секунды.

– И этого хватило?

– Водителю хватило отражения зелёного.

Нина закрепила пакет эластичным бинтом. Сделала два витка, проверила, не туго ли, и только потом спросила:

– Контур был?

Вопрос прозвучал без ревности и без медицинского страха. За восемь месяцев имя стало частью их кухни, как дежурства, чертежи и отец Нины. Но она всегда задавала его после неожиданных пауз Севера и никогда не соглашалась на ответ не знаю.

– Не вызывали, сказал он.

– Я спросила не это.

Он мог рассказать про персик, жёлтую тарелку и вопрос о красном. Нина записала бы время, потребовала сообщить Дарье через следующий сеанс и отложила бы завтрашнюю поездку к отцу, чтобы наблюдать за ним. Потом спросила бы, видел ли Контур аварию до того, как она случилась здесь.

Север не знал ответа. Именно поэтому хотел сначала проверить.

– Был короткий шум, сказал он. – Без сцены.

Нина перестала завязывать бинт.

– Что ты называешь шумом?

– Запах. Тарелка. Ничего полезного.

Это была не прямая ложь. Он сообщил предметы и убрал вопрос, время и чужое внимание. Выбрал часть, которая не заставит её менять планы.

Нина затянула узел чуть сильнее, чем требовалось.

– Ты записал?

– На смене.

– Покажешь?

– После душа.

Она убрала руки от его колена.

– После душа ты скажешь, что поздно. Утром скажешь, что опаздываешь. Вечером окажется, что запись уже у Кругловой.

– Запись об аварии действительно будет у Кругловой.

– Я говорю не об аварии.

Север поднялся. На левую ногу было больно наступать. Он взял рабочую сумку и достал блокнот. Страница с 17:43 содержала фамилии, показатели давления и схему положения маршрутки. На нижнем поле он написал: персик, жёлтая тарелка.

Нина прочитала.

– Всё?

– Всё, что относится к нему.

– Это снова другой ответ.

Теперь в её голосе действительно была Дарья, хотя женщины никогда не встречались. Возможно, сходство существовало только в его восприятии. Возможно, Контур оставил в нём не фразу, а ожидание следующего вопроса.

– Он спросил про красный свет, сказал Север.

Нина ждала.

– Во время вызова. Я услышал вопрос его голосом.

– До столкновения или после?

– После.

– Для тебя.

Север посмотрел на неё.

– Что?

– Для тебя это было после. Для него когда?

Он хотел ответить, что одинаково. До этого лета их события приходили без устойчивого порядка. Иногда Контуру доставался вчерашний эпизод, иногда Север узнавал о разговоре через несколько часов. Они сравнивали ощущения, но не могли передать длинную датировку надёжно.

Сегодня вопрос возник внутри происшествия слишком точно. Контур спрашивал о детали, которую мог узнать только из самой сцены.

– Не знаю, сказал Север.

Нина закрыла блокнот.

– Вот это и надо было сказать первым.

Она собрала плитку в коробку. Один серый образец оставила на полу возле его ботинка.

– Этот не мой, сказала она.

– Как он здесь оказался?

– Ты принёс на подошве из маршрутки.

Север наклонился. Это был не образец, а осколок покрытия, тонкий, с синей диагональной полосой. Он мог прилипнуть к ботинку на месте аварии. Нина взяла его через салфетку и положила отдельно.

– Не в мою коробку, сказала она. – Пока не знаем, откуда он.

Телефон Нины зазвонил на столе. На экране появилась фотография её отца, сделанная ещё до инсульта: он стоял у реки в расстёгнутой куртке и сердился на ветер. Нина вытерла руки и ответила.

Отец спрашивал, приедет ли она завтра и привезёт ли новый ремень для часов. Старый он потерял, хотя Нина видела его в верхнем ящике тумбочки во время прошлого визита. Она не стала исправлять.

– Привезу, сказала она. – И ремень, и абрикосы.

Север показал на себя, предлагая поехать вместе. Нина отвернулась к окну.

– Нет, Виктор на смене, сказала она отцу. – Я сама.

Он не был на смене. Завтра у него начинались два выходных.

После звонка Север спросил:

– Почему сама?

– Потому что хочу сама.

– Я обещал посмотреть кран.

– Ты обещал в прошлый раз. Сейчас кран уже посмотрел сантехник.

– Тогда хотя бы довезу.

– На чём? На служебной машине?

– На автобусе рядом посижу.

Нина убрала телефон в карман. Красная нитка зацепилась

за край чехла и на секунду показалась снаружи.

– Ты сегодня пришёл после аварии и за пять минут успел предложить помощь отцу, проверить мои образцы и решить, какую часть своего дня мне можно знать. Посиди сначала здесь.

Север сел обратно. Холодный пакет на колене уже нагрелся. Нина заменила его, не спрашивая, и поставила на стол две тарелки. Ужин состоял из риса и овощей, приготовленных утром. Она разогрела только его порцию, свою ела холодной.

– Так невкусно, сказал Север.

– Зато я знаю, чего ожидать.

Он хотел сказать, что от него тоже можно ожидать определённых вещей. Смена, возвращение, сообщение, если задерживается. Нина могла бы перечислить исключения быстрее, чем он закончил фразу.

– Я не скрывал, что связь продолжается, сказал он.

– Нет. Ты сообщил, что она существует. А потом начал выдавать её порциями, как обезболивающее.

– Потому что половина там не события. Запахи, чужие руки, куски комнат.

– Ты сам решаешь, какая половина событие.

– Сегодня я работал. Мне нужно было сначала довезти людей.

– Ты довёз. Теперь ты дома.

Север положил вилку. В комнате снова стукнула створка.

– Контур увидел часть аварии, сказал он. – Не знаю когда.

Может быть, одновременно. Может быть, раньше.

– Что именно?

Он перечислил только подтверждённое: вопрос о красном свете, запах персика, жёлтая тарелка. Потом добавил, что чужое внимание возникло в 17:43, когда он повторно вызывал бригаду.

– Почему ты решил, что раньше? – спросила Нина.

– Не решил.

– Ты уже подбираешь слова так, чтобы не произнести это вслух.

Север посмотрел на осколок с синей полосой. Он лежал на салфетке отдельно от её образцов и поэтому казался важнее каждого из них.

– Потому что вопрос был готовый, сказал он. – Контур спрашивал о вещи, которую я в тот момент ещё не успел описать.

– Вы передавали описание до этого?

– Нет.

– Тогда либо он получил сцену раньше, либо вопрос появился у тебя и прозвучал его голосом.

– Да.

– Второй вариант тебе не нравится.

– Первый тоже.

Нина доела рис, отнесла тарелку к мойке и начала протирать стол. Крошек на нём не было. Север не мешал. Если остановить её сейчас, разговор превратится в спор о тряпке.

- Когда вы проверяете связь? – спросила она.
- Завтра вечером по графику.
- Не раньше.
- Если он вызовет сам, я не могу запретить ему.

Нина положила тряпку возле раковины.

- Можешь не отвечать до того, как скажешь мне.

Просьба была простой. Северу не нравилась именно её простота: она убирала все причины отложить согласие.

- Хорошо, сказал он.
- Не полезно. Не безопасно. Просто хорошо?
- Да.

Нина выключила воду. За окном площадь светилась ровными квадратами, каждый фонарь на своём месте. На дальнем перекрёстке сменились сигналы. Отсюда нельзя было увидеть, запоздал ли один из них на долю секунды.

На кухне створка окна ударилась о раму. Один раз, потом второй. За глазами знакомо сдавило.

Нина услышала стук и посмотрела на него.

- Нет, сказал Север. – Сегодня больше не будем.
- Мы?
- Никто.

Он закрыл окно. Ручку пришлось прижать вниз и немного вернуть обратно. На площади за стеклом переключался светофор. Красный погас, возникла короткая темнота, затем загорелся зелёный.

Север досчитал до одиннадцати, хотя пауза длилась мень-

ше секунды.

В спальне Нина оставила его блокнот на своей стороне кровати. Не спрятала и не открыла. Просто положила там, где он не мог взять его, не разбудив её.

Север лёг рядом и закрыл глаза. За веками ещё держалось табло аптеки: 31.07.

Он не знал, какую дату видел Контур. Но чужой вопрос пришёл из сцены, которая для Севера уже заканчивалась.

Если для Контура она ещё не началась, связь впервые принесла не память о другом прошлом.

Она принесла ему чужое завтра.

Глава 3. Условие проверки

К восьми утра Ася прислала список из двадцати трёх перекрёстков и сообщение: Ты написал “все”, город решил отомстить.

Виктор открыл таблицу на кухне. Ночью он поспал меньше четырёх часов, но головная боль не вернулась. Дата 31.07 лежала в журнале отдельной строкой. Он не переносил её в основной протокол, пока не появится независимое подтверждение.

Ася отметила действующие трамвайные линии, белые маршрутки и аптеки с электронными табло. Из двадцати трёх мест девять отпали сразу: на них рельсы были отделены ограждением, ещё на пяти маршрутный транспорт не пересекал пути. Оставалось девять.

До полудня без выезда, напомнил Виктор.

Я умею читать собственные договорённости, ответила Ася. Через несколько секунд добавила: Иногда.

Дарья приехала к десяти с результатами анализа. Они встретились в студии, потому что Марк обещал появиться только после обеда, а дома у Виктора было душно. Полина работала в соседней комнате над расшифровкой интервью и согласилась не заходить без стука.

Ася сидела за монтажным столом, ела сырники одноразовой вилкой и изучала пользовательское соглашение город-

ского транспортного портала.

– Они могут хранить историю запросов три года, передавать подрядчикам и использовать для улучшения городской мобильности, сказала она вместо приветствия. – То есть если мы найдём аварию, сначала о ней узнает отдел рекламы шин.

– Мы ничего не ищем в закрытых данных, сказала Дарья.

– Я тоже умею читать договорённости.

– Иногда, сказал Виктор.

Ася посмотрела на него.

– Мои сообщения нельзя использовать против меня на очной ставке.

Дарья положила перед Виктором лист с результатами. Критических отклонений не было. Незначительно повысился показатель, который мог измениться от недосыпа, жары или стресса. Виктор прочитал цифры дважды.

– То есть можно работать?

– Можно сидеть, говорить и не вызывать новый контакт.

– Это и есть работа.

– В твоём случае формулировка требует уточнения.

Ася повернула монитор к ним. На карте осталось семь точек. У двух аптек табло показывало только температуру. На третьем перекрёстке трамвайная линия была закрыта на ремонт до сентября. Четыре места соответствовали сцене достаточно хорошо.

– Белая маршрутка не признак, сказала Ася. – Они все белые, кроме тех, которые серые от пыли. Трамвай тоже не

признак. Аптека уже лучше. Звезда на боковом стекле зависит от угла удара, но мы не знаем угол, потому что память не является схемой ДТП.

– Мужчина лежал у заднего колеса, сказал Виктор.

– Неизвестно, до удара или после. Неизвестно, пассажир или прохожий. Рубашка в синюю клетку продаётся в каждом магазине, где мужчины покупают одежду раз в пять лет.

– У одной аптеки табло красное.

– У трёх.

– На фоне было бледное небо, значит, табло стояло выше уровня глаз.

Ася увеличила фотографии фасадов. У двух аптек табло висели над дверью, у одной сбоку от окна. На четвёртом месте даты не было вообще, только бегущая строка.

Дарья слушала, не вмешиваясь. Потом спросила:

– Какое решение вы собираетесь принять, если останется одна точка?

Виктор ответил слишком быстро:

– Предупредить транспортную службу.

– О чём?

– О возможном сбое светофора.

– На основании чужого воспоминания.

– Анонимно.

Ася отложила вилку.

– Анонимное сообщение о конкретной дате и месте создаст проверяемое вмешательство. Если там потом что-ни-

будь случится, мы не поймём, было ли событие изначально или ответом на наше сообщение.

– Если ничего не сообщить и кто-то пострадает, чистота проверки будет слабым утешением.

– Я не предлагаю ждать пострадавших.

– Предлагаешь.

– Я предлагаю сначала решить, что считается достаточным основанием.

Полина постучала в стеклянную перегородку и показала на чайник. Виктор поднял большой палец. Обычное рабочее движение на секунду вернуло ему студию: старый ковролин, кабель у стены, красный индикатор записи, голоса из соседней комнаты.

Дарья достала из папки их прежние правила. Бумага была сложена вчетверо. На сгибах стёрлись буквы, поэтому заголовок читался как ПРА ЛА СВЯЗИ.

– Старый протокол отвечает, как получать и проверять фрагменты, сказала она. – Он не отвечает, что делать, если фрагмент касается события, которое ещё не произошло здесь.

– Потому что такого раньше не было, сказал Виктор.

– Значит, нужен отдельный лист.

Ася открыла новый документ.

– Называем его “Протокол вмешательства в причинность”?

– Нет, одновременно сказали Виктор и Дарья.

– Жаль. В юридической фирме меня бы наконец зауважали.

Заголовок оставили простым: Проверка возможного будущего события.

Первый пункт предложила Дарья: после фрагмента оценить состояние получателя и исключить новый намеренный контакт до окончания проверки.

Виктор возразил, что иногда уточнение источника может снизить риск. Тогда добавили исключение: контакт разрешается только при непосредственной угрозе жизни и с заранее выбранным вопросом.

Ася прочитала пункт вслух.

– Непосредственная угроза жизни определяется кем?

– Тем, кто доступен, сказал Виктор.

– То есть тобой.

– Не обязательно.

– Ты единственный получаешь сцены.

Дарья взяла ручку и дописала: Решение принимают минимум двое, один из них не участвовал в получении фрагмента.

– Теперь мной и тобой, сказала Ася.

– Или мной и любым внешним специалистом, ответила Дарья.

– Которому вы расскажете про две жизни одного человека?

– Которому сообщим наблюдаемые признаки.

Виктор видел, как протокол уже строит будущую задерж-

ку. Если авария произойдёт быстро, они потратят время на формулировки, согласие и поиск человека, не вовлечённого в контакт. Но противоположный порядок он уже видел у Севера: сначала полезное решение, потом проверка цены.

Второй пункт отделял место от похожего места. Третий запрещал считать человека опознанным по одежде, положению тела или чужой эмоциональной реакции. Четвёртый требовал минимум двух независимых совпадений, не полученных из одного файла или воспоминания.

Пятый оказался труднее.

– Предположим, мы нашли перекрёсток, сказала Ася. – Можно проверить светофор без упоминания аварии. Обычная заявка на диагностику.

– Это уже вмешательство, сказал Виктор.

– Конечно. Мы ради него собрались.

– Но тогда событие может измениться.

– Хорошо.

– И мы не узнаем, было ли воспоминание точным.

Дарья посмотрела на него поверх очков.

– Что важнее?

Он хотел сказать, что вопрос поставлен неправильно. Если они не узнают точность, следующий фрагмент не поможет никому. Если узнают ценой травмы, знание будет бесполезным. Оба ответа существовали только вместе.

– Предотвращение проверяемого риска, сказал Виктор. – Но вмешательство должно быть минимальным и обычным.

Так записали: если опасность можно снизить стандартной процедурой, не раскрывать источник и не создавать исключительных действий.

Ася добавила шестой пункт: ничего не публиковать, не передавать журналистам и не собирать персональные данные возможных участников до события.

– Марк обидится, сказал Виктор.

– Марк обидится после того, как прочитает чужую переписку, которую мы ему не показывали.

Седьмой пункт запрещал использовать Соню, Нину и других близких как проверочный материал без их прямого согласия.

Виктор перечитал строку.

– Почему Нина отдельно?

– Потому что Север тоже любит решать, какой риск полезный, сказала Ася. – И потому что она единственная на его стороне, кто знает достаточно, чтобы сказать нет.

Дарья предложила отправить формулировку Северу при следующем плановом сеансе. Не весь документ, только последовательность из семи коротких условий. Виктор сразу представил, как упаковать их в образы: фонарик, два стула, карта, две фотографии, гаечный ключ, закрытая камера, пустая чашка.

– Ты уже переводишь, сказала Дарья.

– Нам понадобится.

– Сначала закончим на нашем языке.

К полудню четыре точки сократились до двух. На одном перекрёстке аптека сменила вывеску неделю назад, но старые фотографии всё ещё показывали табло. На другом белые маршрутки проходили каждые шесть минут, а трамвай поворачивал так, что удар мог развернуть машину к бордюру.

Ася не открывала записи камер и не искала водителей. Вместо этого создала две обычные заявки на проверку фаз светофора от имени жителей района. Перед отправкой повернула ноутбук к Виктору.

- Минимальное вмешательство. Без аварии, даты и людей.
- С двух разных адресов это выглядит как организованная жалоба.
- Тогда одну.
- Почему именно туда?
- Потому что на втором месте есть жалобы за прошлый месяц.

Она показала открытый городской форум. Три человека писали, что сигнал для машин иногда включается раньше пешеходного. Ни трамвая, ни маршрутки в сообщениях не было.

Дарья прочитала жалобы и сказала:

- Это независимое основание.

Виктор нажал отправить.

Заявка получила номер 614.

Никто не прокомментировал число. Поезд с таким номером существовал в их старых записях, но совпадение не до-

бавляло заявке достоверности. Ася закрыла страницу и внесла номер в протокол как обычный административный идентификатор.

– Теперь ждём ответ службы, сказала она.

– И проверяем второе место.

– По открытым данным. Да.

Виктор хотел предложить пройти мимо пешком. Не наблюдать специально, просто совместить дорогу до студии с маршрутом. Фраза была готова и звучала разумно. Он не произнёс её.

После обеда Дарья забрала бумажный протокол к себе. Электронная копия осталась у Аси без имён Сони и Нины. Виктор получил только фотографию первой страницы.

– Почему оригинал у тебя? – спросил он.

– Потому что у тебя семь журналов.

– Это не ответ.

– Потому что ты сегодня спал четыре часа и уже отправил одну заявку о событии, которого здесь не было.

– Совместно отправил.

– Оригинал всё равно у меня.

Они не спорили дальше. Виктор понимал её решение и раздражался именно поэтому.

Соня приехала в студию около трёх. Дарья должна была вернуться в клинику, а художественное занятие отменили из-за заболевшего преподавателя. Соня вошла с тубусом для рисунков и сразу заметила карту на большом экране.

– Вы опять искали место?

– Проверяли транспортные схемы, сказал Виктор.

– Это называется искать место.

Ася свернула окно с картой.

– Мы закончили.

– Тогда почему точки остались?

– Чтобы помнить, что именно закончили.

Соня поставила тубус у стены. На прозрачном пластике была наклейка с нарисованным трамваем.

Виктор спросил:

– У вас из студии какой автобус идёт к старому рынку?

Соня посмотрела сначала на него, потом на погасший экран.

– Ты спрашиваешь меня или проверяешь карту?

– Спрашиваю маршрут.

– Зачем?

Он мог сказать, что собирается однажды забрать её оттуда. Мог сослаться на работу. Оба объяснения были бы возможны и неполны.

– Одна из точек возле старого рынка, сказал Виктор. – Я хотел понять, знаешь ли ты это место.

– То есть проверяешь.

– Да.

Соня растянула тубус и вынула два рисунка. Один положила на стол, второй оставила внутри.

– Ты обещал про меня спрашивать меня.

– Я спросил.

– После того как уже решил, какой ответ тебе нужен.

Виктор посмотрел на записку, которую утром достал из папки. Про меня спрашивать меня. Он сохранил слова, но снова превратил их в процедуру, которую можно выполнить формально.

– Ты права, сказал он.

Соня ждала продолжения.

– Мне не нужно было спрашивать твой маршрут. Он ничего не доказывает и втягивает тебя в проверку.

– Автобус номер девять, сказала она. – Но я отвечаю, потому что сама решила.

– Хорошо.

– И не записывай.

Виктор убрал руку от журнала. Он ещё не успел его открыть, но Соня знала последовательность.

Ася встала из-за стола.

– Мне нужно забрать еду. Кто хочет лапшу?

– Это уход от разговора? – спросила Соня.

– Да. Но с ужином.

Соня выбрала острый соус, который Дарья ей не разрешала, потом сама заменила его на обычный. Виктор не участвовал. Пока Ася оформляла заказ, он показал Соне новый протокол и прочитал только седьмой пункт.

– Там написано про близких, сказала Соня. – Это все или только те, кого вы знаете?

– Все, кого можем затронуть.

– В маршрутке тоже близкие кому-то.

– Да.

– Их спросить вы не можете.

– Поэтому пытаемся сделать только обычную проверку светофора.

Соня подумала.

– А если из-за проверки всё будет по-другому?

– Мы пока не знаем.

– Тогда ваш лист не знает больше вас.

Она сказала это без насмешки и вернулась к рисунку. Виктор не стал превращать фразу в вывод. Протокол не должен был знать больше. Его задача была удержать их от действия, которое кажется правильным только потому, что они уже хотят его совершить.

Марк пришёл через двадцать минут, хотя обещал после обеда и считал четыре часа допустимой точностью. Принёс коробку кабелей, две пачки кофе и чужой зонт, который взял в кафе прошлой осенью и до сих пор собирался вернуть.

– У меня новость, сказал он. – На этот раз одна и почти хорошая.

Полина высунулась из соседней комнаты.

– Если заказчик снова перенёс оплату, новость не считается новой.

– Заказчик согласовал первую часть. Деньги в понедельник.

– Сегодня воскресенье.

– Поэтому ждать недолго.

Марк поставил кофе на стол и увидел угол транспортной карты на экране Аси. Окно было свёрнуто не полностью. Внизу оставалась строка с названиями двух остановок.

– Что случилось на старом рынке?

– Пока ничего, ответила Ася.

– Хуже. Когда вы говорите “пока”, у меня через неделю появляются неоплачиваемые рабочие часы.

Он сел на место Виктора и развернул монитор. Ася закрыла вкладку раньше, чем открылась карта.

– Частный заказ, сказала она.

– Чей?

– Частный.

– Вы оба сидите в моей студии, пользуетесь моим интернетом и скрываете городской транспорт. Я не требую деталей. Мне нужна только вся история.

Соня засмеялась. Марк заметил её тубус и спросил, почему она не на занятии. Она ответила, что преподаватель заболел.

– Вот видите, сказал Марк. – Один прямой вопрос, один прямой ответ. Учитесь.

– Ты хочешь спросить прямо? – сказала Соня.

Марк повернулся к Виктору.

– Хочу. Что вы нашли?

Новый протокол лежал на столе ещё не сложенным. Ше-

стой пункт запрещал передавать сведения журналистам до события. Марк мог не считать себя журналистом внутри собственной студии, но это не меняло назначения пункта.

– Я получил фрагмент Севера, сказал Виктор. – Возможное дорожное происшествие. Место и время не подтверждены. Мы отправили обычную заявку на проверку светофора.

Марк перестал улыбаться.

– Пострадавшие?

– Неизвестны.

– Когда?

– Не подтверждено.

– Где?

– Две возможные точки.

– Покажи.

– Нет.

Ответ прозвучал жёстче, чем Виктор собирался. Марк посмотрел на Дарью, потом на Асю, проверяя, кто из них принял решение за Виктора.

– Я в прошлый раз отказался от материала про Соню, сказал он.

– Да.

– Удалил копию.

– Да.

– И теперь вы решили, что я побегу с камерой на ещё не случившуюся аварию.

Ася открыла шестой пункт и повернула лист к нему.

– Мы решили, что никто не получает персональные данные и не публикует информацию до проверки. Тыходишь в “никто” на общих основаниях.

– Очень удобно составлять общие основания без человека, которого они ограничивают.

– Пассажиров маршрутки тоже не было на совещании, сказала Соня.

Марк прочитал строку ещё раз. Потом спросил, кто придумал запрет. Виктор ответил, что все трое.

– А Соня?

– Я придумала другой запрет, сказала она. – Но он похожий.

Марк встал из кресла. Несколько секунд перебирал пачки кофе, словно проверял, не принёс ли неправильную. Одну отдал Полине, вторую убрал в шкаф.

– Хорошо. До проверки я не знаю место, дату и людей.

– И не ищешь по открытым данным, добавила Ася.

– Открытые данные называются открытыми не потому, что ты разрешаешь.

– Но вопрос получил от нас.

Марк посмотрел на Виктора.

– Ты ей позволишь решать, что я могу искать?

– Нет, сказал Виктор. – Я сам прошу тебя не искать.

– Это просьба или правило?

– Просьба. Правило действует для тех, кто его принял.

Марк кивнул. Такая формулировка оставляла ему воз-

возможность отказать, а значит, согласие чего-то стоило.

– До какого времени?

– До полудня завтра пересмотрим данные. Если появится подтверждение риска, решим вместе, кому сообщать.

– Мне сообщите до того, как понадобится записывать последствия.

– Если ты согласишься с ограничениями.

– Я уже согласился не искать. Не пытайся продать мне подписку подороже.

Он ушёл в соседнюю комнату слушать интервью. Через стекло было видно, как Марк надел наушники, остановил запись и вернулся к началу. Телефон он оставил экраном вверх возле кофе.

Ася дождалась, пока закроется дверь.

– Он проверит историю заявок.

– Нет, сказал Виктор.

– Ты ему веришь?

– В этом случае да.

– На основании чего?

– Он оставил телефон.

Ася посмотрела на аппарат за стеклом.

– Это ужасное основание.

– Неполное.

Соня провела пальцем по седьмому пункту.

– Если он всё-таки посмотрит, вы напишете восьмой?

– Нет, сказал Виктор. – Сначала поговорим с ним.

– Тогда лист иногда меняется после людей.

– Должен.

Она положила протокол обратно. На бумаге остался серый след от её пальца. Виктор не вытер его.

В пять вечера городской портал прислал ответ. Заявка 614 принята. Проверка светофорного объекта назначена до 28 июля.

До даты на табло оставалось десять дней.

Виктор распечатал протокол. Лист вышел тёплым и слегка выгнулся. Он сложил его пополам, затем ещё раз, чтобы убрать в карман.

На четвёртом сгибе слова условие проверки оказались снаружи.

Глава 4. Другой пострадавший

Двадцать четвёртого июля заявка 614 сменила статус на исполняется.

Ася увидела это в 16:58 и позвонила Виктору. Он работал в студии над записью круглого стола, где четыре человека перебивали друг друга и каждый требовал оставить только собственные перебивки.

– Бригада на месте, сказала Ася. – Семнадцать тридцать, старый рынок.

– Откуда время?

– Портал показывает прибытие исполнителя.

– Это одна из двух точек.

– Я знаю. Я составляла таблицу.

– До даты ещё неделя.

– Тоже знаю.

Виктор остановил запись. На экране один из участников открыл рот, готовый возразить человеку, которого уже не было слышно.

– Ты хочешь поехать? – спросил он.

– Я уже возле “Литейной”. У меня встреча в юридической фирме через два часа.

– Случайно.

– Нет. Я перенесла встречу в филиал на северном берегу.

– Это нарушает протокол.

– В протоколе запрещено собирать персональные данные и вмешиваться без основания. Смотреть на исполнение собственной заявки не запрещено.

– Потому что мы не вписали очевидное.

– Значит, после проверки появится восьмой пункт.

Виктор посмотрел через перегородку. Марк разговаривал с Полиной, размахивая карандашом. Он выполнил просьбу и четыре дня не спрашивал о перекрёстках. Виктор не соби-
рался превращать это в награду за хорошее поведение и всё равно не хотел сообщать ему место.

– Я позвоню Дарье, сказал он.

– Позвони. Я пока куплю воду и постою на остановке, не совершая преступлений против причинности.

Дарья ответила после третьего гудка. В клинике у неё кто-то говорил о свободной палате, затем закрылась дверь.

– Телесные симптомы? – спросила она.

– Нет.

– Новые фрагменты?

– Нет. На месте проводят стандартную проверку.

– И Ася случайно рядом.

– Не случайно.

– Хотя бы не врёт.

Виктор дождался, пока она сама сформулирует условие. Дарья попросила не подходить к техникам, не фотографировать людей и уйти до половины шестого, если ничего не произойдёт. Наблюдать должна только Ася. Второй человек,

получивший фрагмент, оставался вне места.

– Почему только она?

– Потому что ты узнаешь совпадение раньше, чем проверишь.

– Я могу отличить сцену от вывода.

– В кабинете ты добавил аптечное табло к дороге, по которой его нет.

– Потом исправил.

– После вопроса врача.

Виктор посмотрел на замершие лица участников круглого стола. До старого рынка от студии было двенадцать минут пешком и ещё две остановки на трамвае. Если выйти сейчас, он окажется там раньше половины шестого.

– Хорошо, сказал он. – Я остаюсь.

Дарья попросила передать телефон Асе. Виктор объяснил, что они не рядом.

– Тогда пусть позвонит сама.

Ася перезвонила через минуту. Виктор слушал только её ответы.

– Да. Нет. С другой стороны улицы. Нет, закрытые камеры я не открывала. Потому что у меня нет доступа. Это не принципиальное признание, просто факт. Хорошо.

Разговор закончился.

– Она согласилась? – спросил Виктор.

– Она перечислила условия. Я сказала, что выполняю.

– Это не тот же ответ.

– Учусь у семьи Карелиных.

В 17:22 Ася прислала фотографию без людей. На ней был перекрёсток у старого рынка, трамвайные пути и аптека с красным табло над дверью. Белой маршрутки не было. Техник стоял у шкафа управления за границей кадра; виднелась только оранжевая стойка ограждения.

Виктор не увеличивал снимок. Поставил телефон экраном вниз и включил запись.

Через три минуты он снова посмотрел на время.

Полина заметила.

– Ты ждёшь оплату?

– Проверку светофора.

Она подождала продолжения. Виктор не добавил.

– Это теперь отдельная профессия?

– Пока нет.

– Хорошо. Тогда верни мне третий микрофон. Там человек кашляет в чужую паузу.

Виктор надел наушники. В левом канале женщина объясняла правила благоустройства, в правом мужчина пытался перебить её словом однако. Третий участник кашлял на середине каждого второго ответа. Виктор поставил метки, не вырезая звук.

В 17:31 Ася написала: Техник открыл шкаф. Диагностика идёт.

В 17:36: Нарушений пока нет.

В 17:39: Подъехала белая 23. Обычный маршрут.

Виктор перестал слышать круглый стол.

Он снял наушники и подошёл к окну. Отсюда было видно трамвайную линию возле типографии, но не рынок. По рельсам медленно прошёл пустой вагон.

В 17:41 телефон зазвонил.

Ася не сказала ни слова. В трубке был транспортный шум, затем короткий визг тормозов и чей-то крик.

– Ася?

– Маршрутка на путях. Трамвай остановился.

– Столкновение?

– Не вижу. Люди выбегают.

– Женщина у окна?

– Виктор, я не подхожу.

Он уже взял куртку.

– Стой снаружи. Я буду через десять минут.

– Нет. Ты остаёшься.

В трубке снова закричали. Ася выругалась и отключилась.

Виктор вышел из студии. Марк окликнул его из соседней комнаты. Он ответил, что скоро вернётся, и не остановился у лифта.

На улице жара стояла между домами неподвижным слоем. Виктор побежал к трамвайной остановке, увидел приближающийся вагон и понял, что тот не дойдёт до рынка из-за перекрытых путей. Пришлось идти пешком вдоль линии.

Ася позвонила ещё раз.

– Не едь.

– Уже иду.

– Трамвай не ударил маршрутку. Она заглохла на рельсах, водитель откатил её к бордюру. Упал велосипедист.

– Мужчина в клетчатой рубашке?

– Нет. Подросток. Его осматривают.

– Белая маршрутка?

– Белая. Номер двадцать три.

– Аптека?

– На месте, Виктор. Весь город не перестроился.

– Красный сигнал?

– Работает.

Он продолжал идти. Десять минут превратились в семь, потому что бежал на переходах и срезал через двор. По дороге позвонила Дарья. Виктор не ответил.

У старого рынка уже стояла машина дорожной службы и одна скорая. Белая маршрутка находилась у бордюра, задняя часть выступала на рельсы. Трамвай остановился в двадцати метрах. Перед ним лежал велосипед, переднее колесо было согнуто.

Подросток сидел на асфальте. Фельдшер держал его за плечи и просил не вставать. Парень отвечал, что с ним всё нормально и велосипед принадлежит брату.

Ася стояла у аптечной стены с бутылкой воды. Увидев Виктора, не пошла навстречу.

– Я сказала не ехать.

– Где водитель?

– Возле шкафа. Техник считает, что двигатель заглох из-за перегрева.

– Кто был у заднего колеса?

– Никто.

В маршрутке оставались три пассажира. Пожилая женщина сидела у окна, закрыв лицо ладонями. Стекло было целым. Мужчина в светлой футболке снимал происходящее. Девочка лет пяти плакала возле двери, рядом с ней присела мать.

Виктор увидел, как девочка выскользнула из рук женщины и побежала к дороге. Мать потянулась следом, но зацепилась сумкой за поручень.

Со стороны рынка выезжал грузовой фургон.

Виктор оказался у девочки раньше, чем успел назвать действие. Схватил за плечи и отступил к маршрутке. Фургон прошёл мимо в полутора метрах. Водитель ударил по клаксону.

Девочка закричала уже от него.

Мать спрыгнула со ступеньки, вырвала ребёнка и толкнула Виктора в грудь.

– Вы кто?

– Она выбежала на дорогу.

– Не трогайте её.

– Я убрал её от машины.

– Я видела.

Она прижала девочку к себе. Та плакала, не отрывая глаз

от Виктора. Он поднял руки, показывая, что больше не подойдёт.

К месту подъехала вторая скорая. Из неё вышли двое медиков. Один направился к подростку, другая женщина поднялась в маршрутку. Виктор увидел клетчатую рубашку у заднего колеса.

Мужчина лежал на боку, почти скрытый кузовом. Правая туфля находилась возле рельса.

Сцена совпала так быстро, что всё остальное стало фоном. Виктор опустился рядом.

– Не поднимайте его, сказал он людям у двери.

Мужчина открыл глаза.

– Я и не просил.

На его виске блеснул пот. Виктор спросил, где болит. Мужчина ответил, что в груди, и попытался сесть.

– Лежите. Сейчас подойдут.

Он удержал его за плечо.

Фельдшер из второй бригады крикнул, чтобы Виктор отошёл. Он не сразу отпустил мужчину.

– Возможна травма после столкновения, сказал Виктор.

– Какого столкновения?

– Маршрутка.

– Она никого не ударила. Уберите руку.

Виктор отступил. Фельдшер сел на его место, задал мужчине несколько вопросов и попросил напарницу принести дефибриллятор.

– Что с ним? – спросил Виктор.

– Выйдите за ограждение.

– Он был возле колеса.

– Он подошёл помочь толкать машину и пожаловался на боль. Теперь отойдите.

Виктор оказался между фельдшером и открытой медицинской сумкой. Напарница не могла подать кабель. Он шагнул вправо, туда же двинулась она. Потом влево. Потеряли несколько секунд.

– За ленту, сказала она. – Сейчас.

Ася взяла Виктора за локоть и отвела к аптеке. Он не сопротивлялся.

Мужчина в клетчатой рубашке оказался главным пострадавшим, но не из-за удара. Позже Круглова сообщила, что у него подозревали острый коронарный синдром. Он увидел заглохшую маршрутку, помогал сдвинуть её с путей и почувствовал боль в груди. Туфля слетела, когда его укладывали на асфальт.

Подросток упал с велосипеда, потому что резко затормозил перед людьми на дороге. У него была ссадина и ушиб локтя. Женщина у окна не пострадала. Стекло не разбилось. Трамвай не коснулся маршрутки.

Совпадали место, белая машина, рельсы, клетчатая рубашка, туфля и положение мужчины.

Не совпадало событие.

– Ты спас девочку от фургона, сказала Ася.

Они стояли у закрытого киоска, пока медики работали. Мать с ребёнком ушла к остановке, не назвав имени.

– Она побежала из-за крика, ответил Виктор.

– Из-за общего шума.

– Я появился рядом после того, как ты позвонила. Если бы меня не было, она могла остаться в маршрутке.

– А могла выбежать так же.

– Мужчине начали помощь позже из-за меня.

– На несколько секунд.

– Север однажды тоже решил, что несколько секунд и одна подсказка дают ему право действовать.

Ася закрутила крышку бутылки.

– Не делай вид, что два плохих решения становятся одной судьбой. Ты схватил ребёнка перед машиной. Потом полез к пациенту без навыка. Это разные действия.

– Оба из одного воспоминания.

– Нет. Первое из того, что ты видел глазами. Второе из того, что хотел увидеть заранее.

Дарья приехала, когда скорая уже уезжала. Она не стала проверять Виктора на улице. Сначала поговорила с бригадой, затем с Асей, только потом подошла к нему.

– Почему не ответил?

– Бежал.

– Телефон был в руке.

– Не хотел спорить.

– Поэтому нарушил договорённость без разговора.

– Да.

Прямой ответ не смягчил её лица.

Техник закончил диагностику и приклеил на шкаф зелёную наклейку. Неисправностей не обнаружено. По его словам, маршрутка заглохла из-за перегрева, водитель не успел полностью освободить рельсы, а трамвай остановился по штатному сигналу.

– Почему портал назначил проверку сегодня? – спросила Ася.

– Маршрут сформировался, ответил техник. – Ваша заявка была не единственная.

– Сколько ещё?

– Две.

– До нашей или после?

– Не знаю. В наряде всё одним списком.

Он снял ограждение. На асфальте остались четыре светлых прямоугольника, где стойки закрывали пыль.

Круглова взяла у Виктора объяснение. Он не рассказывал о будущем и другой ветви, только сообщил, что пришёл проверить исполнение собственной заявки, увидел ребёнка перед фургоном и затем ошибочно решил, что мужчина получил травму в ДТП.

– Почему ошибочно? – спросила она.

– Он совпал с описанием, которое у меня было раньше.

– От кого?

Виктор посмотрел на Дарью. Она не подсказала ответ.

– От Севера.

Круглова записала имя, которым они обозначали другого Виктора, без кавычек.

– А у него что произошло?

– Маршрутка столкнулась с трамваем. Мужчина у колеса был в сознании и не оказался главным пострадавшим. Женщина находилась за разбитым стеклом.

Круглова перечитала свои записи.

– То есть человек совпал внешне, но роли у людей другие.

– Да.

– Дата?

– У него тридцать первое июля. Здесь двадцать четвёртое.

– Тогда это не одно событие.

– Место то же.

– Место может быть тем же без события.

Она попросила прислать исходную карточку наблюдений и новый протокол. Виктор сказал, что оригинал у Дарьи.

– Хорошо, ответила Круглова. – Значит, вы хотя бы заранее решили не хранить всё у человека, который побежит на место.

Она ушла к технику. Дарья указала на скамейку возле рынка и попросила Виктора сесть. Он сказал, что не нуждается в осмотре. Она повторила просьбу тем же тоном, которым разговаривала с пациентами, решившими, что способность спорить доказывает здоровье.

Ася осталась рядом. Бутылка воды в её руке нагрелась,

этикетка отклеилась по краю.

– Зрение? – спросила Дарья.

– Нормально.

– Тошнота?

– Нет.

– Чужая боль?

– Нет.

– Что ты видел перед тем, как побежал к мужчине?

Виктор перечислил маршрутку, клетчатую рубашку, туфлю и заднее колесо.

– Своими глазами?

– Да.

– Что добавил из фрагмента?

– Разбитое стекло. Травму после удара. Женщину в салоне.

– Стекло было целым.

– Я увидел это позже.

– Нет. Ты посмотрел позже. Целым оно было всё время.

Виктор провёл ладонью по лицу. Кожа пахла пылью и чужим сладким парфюмом, хотя он не заходил в маршрутку. Запах мог остаться от матери девочки, когда она толкнула его.

– Я думал, что сцена повторяется, сказал он.

– Поэтому перестал видеть различия.

Ася села на другой край скамейки.

– Он увидел ребёнка перед фургоном правильно.

– Я не отрицаю.

– Если бы Виктор остался в студии, мы не знаем, успела бы мать.

Дарья повернулась к ней.

– Зачем ты ему позвонила?

– Чтобы зафиксировать время и происходящее.

– Можно было записать на телефон.

– Мы не используем автоматическое время телефона как первичное.

– Можно было назвать время вслух на записи.

Ася сорвала отклеившийся край этикетки.

– Я хотела, чтобы он слышал.

– Почему?

– Потому что место совпало. Потому что белая маршрутка встала на рельсах ровно тогда, когда мы её ждали. Потому что четыре дня я смотрела на карту и чувствовала себя человеком, который знает ответ, но не имеет права открыть последнюю страницу.

– Ты имела право позвонить в экстренную службу.

– Трамвай уже остановился. Скорая была вызвана.

– Тогда тебе нужен был не специалист.

– Да, сказала Ася. – Мне нужен был свидетель, который поймёт совпадение.

Виктор посмотрел на неё. До этого момента он считал собственный приезд единственным нарушением. Телефонный звонок казался внешним событием, почти сигналом тревоги.

Ася выбрала его не ради помощи людям на месте. Она выбрала человека, который подтвердит, что их поиск был правильным.

– Поэтому ты не отключилась сразу, сказал он.

– Поэтому.

– Ты дала мне услышать крик.

– Да.

Она не добавила оправдание. Виктор мог бы сделать это за неё: обстановка менялась быстро, связь уже была установлена, она не знала, что он побежит. Каждое объяснение оставляло главное действие прежним.

Дарья достала телефон и открыла фотографию протокола.

– У нас записано, кто принимает решение о контакте с Севером. Не записано, кто принимает решение вовлечь получателя в настоящее событие.

– Это будет восьмой пункт, сказала Ася.

– Соня угадала, ответил Виктор.

Они сформулировали его на скамейке: наблюдатель не связывается с получателем фрагмента во время похожего события, если его помощь не требуется для немедленной безопасности. Совпадение само по себе не является помощью.

Девятый пункт предложил Виктор: после начала события каждый новый признак сначала записывается как отдельный, даже если совпадает с памятью. Нельзя объединять роли людей до внешнего подтверждения.

– И десятый, сказала Ася. – Человек, нарушивший прави-

ло, не участвует в следующем решении один.

– Это уже есть в первом пункте.

– Теперь нас двое нарушивших.

Дарья не стала добавлять десятый. Вместо этого написала под восьмым: После нарушения решение передаётся человеку вне события.

– То есть тебе, сказал Виктор.

– Сегодня мне. В другой раз кому-то ещё.

– Кругловой?

– Если она согласится знать достаточно.

Ася сделала фотографию новых строк, но не отправила в облачную папку.

– Мужчина выживет? – спросил Виктор.

Дарья посмотрела в сторону дороги, где уже не было скорой.

– По словам бригады, помощь начали вовремя. Больше мы не имеем права знать без его согласия.

– Я задержал кабель.

– На несколько секунд. Это ошибка. Не превращай её ни в оправдание, ни в приговор.

– У Севера несколько секунд изменили всё.

– Ты не Север. Этот мужчина не его пациент. И повторение чужой вины не делает вашу связь точнее.

Фраза осталась между ними. Виктору хотелось возразить, что тело уже повторило боль в левом колене, а город повторил маршрутку, рельсы и туфлю. Но Дарья говорила не о де-

талях сцены. Она не позволяла ему взять готовую вино другого человека так же легко, как готовое воспоминание.

Круглова вернулась и сообщила, что больница приняла мужчину в сознании. Фамилию она не назвала.

– Этого достаточно, сказала Дарья.

Виктор кивнул.

У перекрёстка снова загорелся красный. Техник уже уехал, зелёная наклейка оставалась на шкафу. Сигналы сменились в обычном порядке. Виктор не засекал задержку.

В студию Виктор вернулся после восьми. Марк сидел за его столом и слушал незаконченный круглый стол. На экране осталось три дорожки вместо четырёх: одну Полина уже свела отдельно.

– Ты нарушил просьбу или правило? – спросил Марк.

– Оба.

– Кто пострадал?

– Мужчина с сердцем. Его увезли. Подросток ушиб руку.

– А авария?

– Не произошла.

Марк снял наушники.

– Но ты выглядишь так, будто произошла.

Виктор рассказал ему только последовательность событий. Не имена, не фотографии и не сведения о ребёнке. Марк не включал диктофон.

– Ты предотвратил то, чего не было, и помешал спасти то, что было, сказал он.

- Примерно.
- Хороший заголовок.
- Не используй.
- Не буду.

Марк вернул запись на начало. Женщина в левом канале пыталась закончить фразу, трое мужчин начинали говорить раньше неё.

- Что теперь с вашим будущим? – спросил он.

Виктор посмотрел на дату в журнале. До 31 июля оставалась неделя. Событие могло произойти снова, уже с настоящим столкновением и разбитым стеклом. Или сегодняшняя сцена была единственным соответствием, а дата принадлежала только Северу.

– Теперь у нас есть не прогноз, сказал Виктор. – Есть другое событие, которое умеет быть похожим.

Он надел наушники и услышал, как женщина в записи наконец договорила предложение. Её голос не изменился. Изменился смысл перебивок вокруг него.

На паузе Виктор открыл две карточки рядом. В первой были детали Севера: разбитое стекло, женщина Ирина, столкновение с трамваем, мужчина у заднего колеса как второстепенный пострадавший. Во второй он записал сегодняшний день: целое стекло, остановившийся трамвай, неизвестная пожилая пассажирка, сердечный приступ у мужчины в клетчатой рубашке.

Совпадающие слова занимали почти половину строк. Ес-

ли читать только их, предсказание выглядело точным. Если читать события, получались две разные причины, две разные опасности и люди, которым требовалась разная помощь.

Виктор провёл между карточками вертикальную черту и не стал соединять совпадения стрелками.

В 22:06 городской портал сообщил, что светофор исправен. Заявка 614 была закрыта.

Под статусом находилась кнопка Оценить результат.

Виктор выбрал вариант Проверка выполнена, не отмечая, помогла ли она.

Глава 5. Два прогноза

Ася хранила собственные ошибки дольше, чем чужие данные.

Для чужих существовали сроки, договоры и кнопка удаления. Свои лежали в папке разобрать, потом в папке старое, затем на внешнем диске без названия. Там оставались фотография перевёрнутого номера машины, два неправильно восстановленных сообщения и таблица, в которой она однажды спутала часовой пояс с летним временем. Последняя ошибка стоила клиенту трёх недель бессмысленных подозрений.

В пятницу, второго августа, Ася подключила диск к домашнему ноутбуку и создала новую папку: прогнозы.

Антон спал в соседней комнате. Под дверью лежал провод от зарядки, хотя розетка находилась внутри. Брат протянул его в коридор, потому что ночью у него шумел удлинитель. Ася уже дважды обещала купить новый и оба раза возвращалась с дорогой едой вместо него.

На кухонном столе стояла коробка лапши, одноразовая вилка и три устройства Виктора: старый телефон, планшет и ноутбук. Он передал их вечером в пятницу после письменного согласия. Дарья добавила список ограничений. Нельзя открывать семейные переписки, медицинские приложения и фотографии Сони. Нельзя восстанавливать удалённые фай-

лы вне временного диапазона с 12 июля по 1 августа. Нельзя копировать содержимое целиком.

Ася поставила галочки возле каждого пункта. Потом выключила синхронизацию, сеть и автоматическое время.

Её интересовало приложение погоды.

Виктор утверждал, что утром после аварии видел на экране дождь и ясное небо для одного часа. Значок сменился во время обновления, поэтому он не записал наблюдение. Через несколько дней вспомнил о нём, сравнивая карточки двух событий.

Обычное объяснение находилось быстро. Приложение сначала показывало сохранённый прогноз, потом получало новый. Старый мог относиться к другому району, часовой пояс мог съехать, сервер мог заменить модель.

Ася начала с простого: открыла локальный кэш.

Там лежали небольшие файлы без понятных названий. Каждый содержал дату загрузки, координаты, температуру, вероятность осадков и служебный номер источника. Координаты соответствовали квартире Виктора на Тихвинской с погрешностью около четырёх кварталов.

На 31 июля в 17:00 существовали два прогноза.

Первый обещал двадцать девять градусов, ясное небо и ветер с юго-запада. Второй показывал двадцать два градуса, грозу и северный ветер.

Они были сохранены с разницей в одну секунду.

Ася проверила единицы времени, локаль, версию при-

ложения и контрольные суммы. Оба файла были целыми. Первый соответствовал фактической погоде Реченска: сухой жаркий день. Второй описывал грозу, которой в городе не было.

Она открыла историю уведомлений. В 08:05 приложение показало: К вечеру возможна сильная гроза. В 08:06 уведомление обновилось: Осадков не ожидается.

Ничего невозможного. Прогнозы менялись чаще, чем люди успевали на них рассердиться.

Ася нашла архив поставщика. Для Реченска грозовой вариант никогда не публиковался. В соседнем Заречном 31 июля дождь прошёл утром, но температура и ветер не совпали. На северо-западе области гроза началась только ночью.

Она записала: версия сервера могла быть отозвана до архивации.

Потом заметила тень.

На одном из скриншотов Виктора значок солнца отбрасывал серую полосу вправо и вниз. В интерфейсе приложения тени не было. Ася увеличила изображение. Полоса продолжалась за границей виджета и проходила по фотографии рабочего стола, как будто солнце являлось не значком, а маленьким предметом над экраном.

Она открыла исходный файл без обработки. Полоса исчезла.

В уменьшенной копии появилась снова.

– Компрессия, сказала Ася вслух.

Из комнаты Антона донеслось:

– Ты со мной?

– Нет.

– Тогда потише спорь.

Ася сохранила обе версии рядом. Неверная тень могла возникнуть при повышении резкости. Она не относилась к двум прогнозам, пока не появится причина связать их.

Следующим был браузер.

История показывала запросы о трамвайных пересечениях, старом рынке и режиме работы городской транспортной службы. Первый запрос был сделан 20 июля в 07:42: где маршрут 23 пересекает трамвайные пути.

Сообщение Виктора с просьбой найти все пересечения пришло Асе в восемь утра.

Она помнила, как прочитала его в кровати, не открывая полностью. Потом встала, включила чайник и начала искать. Запрос о маршруте 23 был не первым. Номер маршрутки они узнали только после происшествия 24 июля.

Ася проверила системное время ноутбука. В тот день оно синхронизировалось с сетью в 06:03 и 12:11, отклонение составляло меньше секунды. История браузера могла быть перенесена с телефона, но телефон показывал тот же момент создания. В облачной учётной записи запрос появился в журнале активности в 07:42.

Она открыла журнал клавиатуры, который использовала для тестирования корпоративного приложения. Программа

не хранила сами нажатия, только время активности. В 07:42 ноутбук спал.

Телефон лежал на зарядке и не разблокировался с 01:18 до 07:57.

Запрос существовал на двух устройствах раньше, чем Ася могла его сделать.

Она не испытала страха. Сначала пришло раздражение, почти профессиональное. Кто-то оставил след слишком аккуратно и рассчитывал, что аккуратность примут за доказательство.

Ася создала образ диска ноутбука, посчитала контрольную сумму и только потом позвонила Виктору.

Он ответил сразу.

– Есть два прогноза, сказала она. – Один правильный, второй про грозу. И запрос про маршрут двадцать три в моей истории за двадцать минут до твоего сообщения.

– Восемнадцать.

– Что?

– От 07:42 до восьми восемнадцать минут.

– Спасибо. Теперь аномалия точнее.

– Ты могла увидеть запрос у меня раньше?

– Номер маршрута появился после аварии.

– В памяти Севера он мог быть.

– Ты его не передавал.

– Мог получить и забыть.

– Мог. А потом каким-то образом заставить мой спящий

ноутбук выполнить поиск.

Виктор не ответил.

– Я не говорю, что это невозможно, продолжила Ася. – Я говорю, что для этой версии нужен ещё один механизм, которого у нас нет.

– Не трогай файлы до Дарьи.

– Я уже сделала образ.

– Это считается копией.

– Считается сохранением исходного состояния.

– В протоколе написано не копировать целиком.

Ася посмотрела на лист с галочками. Ограничение относилось к содержимому устройств Виктора. Образ собственного ноутбука формально под него не попадал.

– Я скопировала свой диск.

– На нём наша переписка.

– Зашифрованная.

– Это не меняет факта.

– Хорошо. Я нарушила смысл ограничения, не формулировку.

– Удалишь?

Ася посмотрела на внешний диск. Если удалить образ сейчас, они потеряют единственную возможность проверить, изменится ли ранний запрос. Если оставить, она сохранит чужие сообщения после прямой просьбы этого не делать.

– Сначала получу согласие всех, чьи данные там есть.

– Ты уже получила мои устройства.

– И не копировала их.

– А моё сообщение скопировала со своего.

– Да.

В соседней комнате открылась дверь. Антон прошёл на кухню, щурясь от света, и достал воду из холодильника.

– Ты опять расследуешь до завтрака?

– Уже после обеда.

Он посмотрел на коробку лапши.

– Это вчерашняя.

Ася закрыла микрофон ладонью.

– Не трогай ноутбук.

– Я пришёл за водой.

– И провод купи.

– Ты обещала.

– Теперь обещаешь ты.

Антон ушёл, забрав коробку с лапшой. Виктор ждал на линии.

– Кто был?

– Человек, который хранит зарядку в коридоре и поэтому может подтвердить, что ноутбук ночью стоял на столе.

– Он помнит утро двадцатого?

– Нет. Но роутер помнит.

– Ты сейчас доверяешь роутеру больше брату?

– Роутер хотя бы не путает дни недели.

– Файл умеет врать лучше человека.

Ася улынулась. Собственную фразу в его исполнении

она не любила.

– Именно поэтому нужны группы файлов, сказала она.

Она попросила Виктора не приезжать и не открывать приложение погоды до вечера. Дарье отправила короткое сообщение с медицински нейтральной формулировкой: обнаружены две версии цифрового контекста, новых симптомов у Виктора нет.

Потом составила список людей, чьи сообщения могли попасть в образ диска. Виктор, Дарья, Марк, Антон, Оля и трое клиентов. У клиентов согласие получить было невозможно без раскрытия служебной информации. Значит, образ нельзя хранить целиком.

Ася создала второй носитель и скопировала только системные журналы, историю браузера и кэш погоды. Перед копированием исключила переписки и документы. Первый образ пока не удаляла. Записала время и причину задержки удаления на бумаге.

Антон вернулся через сорок минут с новым удлинителем и двумя стаканами кофе.

– Ты просила провод.

– Я просила зарядку.

– Ты сказала “провод купи”.

– Этот тоже нужен.

Он положил чек рядом с ноутбуком. В строке времени стояло 15:26, хотя часы показывали 15:11.

– У них касса спешит, сказал Антон.

Ася взяла чек.

– На пятнадцать минут?

– Я не проверял. Нормальные люди используют чеки, чтобы вернуть товар, а не установить ход времени.

Она сфотографировала чек рядом с механическими кухонными часами, затем остановилась. Удлинитель не имел отношения к расследованию. Ошибка кассы могла быть обычной. Если сохранять каждое расхождение, группа возникнет неизбежно.

Ася удалила фотографию.

– Спасибо, сказала она.

Антон насторожился.

– За провод?

– За то, что сходил.

– Ты заболела?

– Не мешай редкому явлению.

Ася попросила его остаться на кухне ещё на десять минут.

– Мне нужен свидетель.

– Я только что был ненормальным человеком с чеком.

– Должность временная.

Она достала из шкафа старый ноутбук, который Антон использовал до ухода из университета. Аккумулятор давно не держал заряд, корпус возле петли был заклеен серебристой лентой. Ася включила его через новый удлинитель, создала чистую учётную запись и установила ту же версию браузера.

Сначала проверили предзагрузку. Ася набрала где марш-

рут, остановилась до номера и закрыла вкладку. Браузер сохранил варианты подсказок в отдельном файле, но в историю запрос не попал. Время создания совпало с нажатием первой клавиши.

Затем она ввела полный запрос, отключила питание до загрузки страницы и снова включила ноутбук. История появилась только после восстановления вкладки. В журнале стояло новое время, не момент начала набора.

– То есть программа может соврать, сказал Антон.

– Может записать другой этап действия. Это не то же самое.

– Для человека, которого обвиняют, разница слабая.

Ася вспомнила клиента с часовым поясом. Тогда она тоже объясняла, что файл зафиксировал вход правильно, а ошибку совершила система сопоставления. Клиенту было всё равно, какая часть цепочки назвала его лжецом.

Они проверили голосовой поиск. Антон произнёс фразу о маршруте, не касаясь компьютера. Телефон на столе проснулся, показал значок микрофона и предложил результаты, но запрос сохранился только в журнале голосового помощника. В истории браузера появилась ссылка без времени набора. Структура отличалась от ранней строки.

– Теперь скажи, что завтра будет гроза, попросила Ася.

– Завтра будет гроза.

Телефон показал прогноз: ясно, тридцать один градус.

– Не верит, сказал Антон.

– Умнее нас.

Оставалась синхронизация аккаунта. Ася изменила время старого ноутбука на восемнадцать минут назад, сделала запрос и подключила сеть. На основном устройстве история получила серверную метку текущего времени, а локальная база сохранила неправильную. Теоретически ранняя строка могла возникнуть так.

Но 20 июля ни одно устройство в её аккаунте не показывало смещения часов. Старый ноутбук был выключен в шкафу. Рабочий компьютер находился в офисе и требовал пропуск. Телефон и домашний ноутбук синхронизировались с сетью.

– Можно войти с чужого устройства, сказал Антон.

– Можно.

– Ты проверишь?

– Список входов уже проверила. Новых нет.

– А если кто-то скопировал ключ доступа?

– Тогда он выбрал очень сложный способ сообщить номер маршрутки.

Антон потянулся к её основному ноутбуку.

– Не трогай.

– Хотел посмотреть журнал.

– Там личные данные.

– Мои тоже?

Ася закрыла крышку. В полном образе оставалась их переписка, включая сообщения Антона о долге, университете и просьбе не рассказывать матери. Она считала эти данные

побочным содержимым, пока владелец не сидел напротив.

– Да, сказала она.

– Ты их скопировала?

– В составе образа диска.

– Зачем?

– Чтобы сохранить состояние до анализа.

– Можно было спросить.

– Тогда состояние изменилось бы до копирования.

Антон убрал руку.

– Очень удобная работа. Сначала делаешь, потом объясняешь, почему спросить было нельзя.

Он встал и унёс пустые стаканы к мойке.

– Я удалю полный образ после того, как выделю системные журналы, сказала Ася.

– Ты сама решишь, когда мои сообщения перестанут быть полезными?

– Нет. Сейчас.

Ася открыла список файлов образа, исключила каталоги переписок и запустила создание очищенной копии. Процесс занимал двадцать семь минут. До его завершения удалить исходник было нельзя, иначе проверка потеряла смысл.

– Двадцать семь минут, сказала она. – Потом удалю при тебе.

Антон вернулся к столу.

– Почему нельзя сразу?

– Потому что тогда исчезнут журналы, ради которых всё

сделано.

– Вот теперь это ответ.

Они дождались окончания вместе. Ася не открывала другие файлы. Когда очищенная копия получила контрольную сумму, она удалила полный образ и очистила корзину. Антон посмотрел на экран и спросил, можно ли восстановить удалённое.

– Если специально пытаться, часть можно.

– Будешь?

– Нет.

– Это тоже запиши.

Ася внесла в бумажный журнал: Полный образ удалён в присутствии Антона. Восстановление не проводится. Под строкой он поставил инициалы, слишком крупные для отведённого поля.

Когда Дарья позже спросила о первичном образе, Ася уже могла показать не обещание удалить его, а запись сделанного выбора.

В четыре часа пришла Дарья. Она принесла бумажную папку, сняла обувь и сразу заметила внешний диск.

– Это копия?

– Очищенный набор системных журналов. Первичный образ содержал чужие сообщения, я удалила его при Антоне.

– До проверки?

– После воспроизводимого теста на старом устройстве и сверки контрольной суммы.

– Почему не позвонила нам сначала?

– Потому что сначала решила, что формально копирую своё. Потом Антон задал тот же вопрос правильнее.

Дарья не сказала, что так и следовало сделать. Села за стол и попросила показать последовательность действий. Ася провела её от локального кэша к архиву поставщика, затем к истории браузера.

– Откуда приложение берёт координаты? – спросила Дарья.

– От системы. Погрешность одинаковая в двух прогнозах.

– Они могли относиться к разным районам?

– Координаты одни.

– К разным годам?

– Дата одна.

– Один файл мог быть тестовым?

– Служебный номер источника разный. Второй источник отсутствует в списке поставщика.

– То есть неизвестен, а не невозможен.

– Да.

Дарья попросила распечатать обе записи без цветных значков. На бумаге они выглядели скучно: две строки температуры, ветра и осадков. Один прогноз совпадал с фактической погодой, другой не совпадал ни с одним ближайшим районом.

– Почему ты связала это с запросом?

– Пока не связала.

– Они в одной папке.

Ася посмотрела на экран. Папка называлась прогнозы, но в ней уже лежали журналы браузера.

– Хорошо. Связала организационно.

Она перенесла запрос в отдельный каталог.

Виктор приехал к пяти. Принёс бумажные карточки двух аварий и пакет еды, которую никто не заказывал. Антон забрал пакет и объявил, что участвует в расследовании на должности человека, который не даёт им умереть от собственного планирования.

Ася показала Виктору два прогноза. На его телефоне приложение теперь хранило только ясную версию. Грозовой файл оставался в резервном кэше планшета и на очищенной копии Аси.

– Я видел оба значка, сказал Виктор.

– Когда?

– Утром двадцатого. Сначала дождь, потом солнце.

– До первого фрагмента? – спросила Дарья.

Виктор задумался.

– Да. Фрагмент пришёл вечером.

– Запиши степень уверенности.

– Средняя.

Ася открыла историю запроса.

– А это появилось в 07:42. Я начала искать после восьми.

Виктор прочитал формулировку вслух. Где маршрут 23 пересекает трамвайные пути.

– Я не знал номер до двадцать четвёртого.

– Север знал, сказала Ася.

– В его сцене номер не был виден.

– Но он мог знать маршрут без отдельного образа. Семантическая часть.

– Тогда почему запрос у тебя?

– Потому что ты собирался попросить меня найти место.

Дарья положила рядом три листа: время запроса, время сообщения Виктора и время первого фрагмента.

– Не хватает действия между ними, сказала она.

– Или не хватает ещё одного источника, ответила Ася.

В комнате стало тихо. Антон на кухне открывал упаковку, шуршание проходило через дверь. Никто не произнёс слово третий.

Ася вернулась к метаданным. Два прогноза различались не только погодой. В ясной версии время сохранялось обычным числом из десяти цифр. В грозовой после него стоял дополнительный суффикс из двух знаков. Такой же суффикс обнаружился возле раннего запроса.

17.

Она нашла все файлы с этим окончанием. Их оказалось девять. Грозовой прогноз, ранний запрос, фотография перекрёстка до заявки, пустая запись диктофона и пять небольших кэшей карт. Все относились к местам на северном берегу. Времена различались, содержание тоже.

В обычных файлах суффикса не было.

– Семнадцать что? – спросил Виктор.

– Не знаю. Не версия приложения, не устройство, не район и не пользователь.

– Может быть номер сервера.

– Может.

Ася отсортировала файлы по времени. Они образовали две группы. В одной находились события, которые Ася помнила: её запросы, ясный прогноз, фотографии после аварии. В другой были гроза, ранний запрос и карта, открытая ночью, когда ноутбук спал.

– Два набора поведения, сказала она. – Не две ошибки.

Дарья спросила, мог ли вредоносный процесс создавать вторую группу. Ася ответила, что мог. Могла и программа предзагрузки, и сбой синхронизации, и чужой доступ. Но каждая версия должна была объяснить, почему неизвестный процесс выбирал только сведения, связанные с фрагментами Севера.

– Он мог знать, что мы будем искать, сказал Виктор.

– Кто он?

Виктор не ответил. Мужчина со шрамом оставался удобным местоимением для любого действия без источника.

Ася открыла пустую запись диктофона. Длительность показывала двенадцать секунд. Звуковой дорожки не было, только ровный цифровой ноль.

– Не воспроизводи, сказала Дарья.

– Там нет звука.

– Ты это уже установила.

Ася убрала курсор с кнопки.

Они составили таблицу из двух колонок. В первой помещались обычные события. Во второй те, которые появились раньше доступного действия или не соответствовали местной погоде. Названия колонкам не дали.

Виктор предложил передать Северу грозу как проверочный образ. Дарья напомнила, что погодный символ слишком сложен для отрицания: дождь может означать и дождь, и ожидание дождя, и чужое воспоминание о нём.

– Тогда ждём настоящую грозу, сказал Антон из кухни.

Все посмотрели на него.

– Что? Я не слушал. У вас дверь открыта.

Ася проверила прогноз на неделю. Каждый день обещали жару, к пятнице вероятность дождя поднималась до тридцати процентов.

– Ждать погоду действительно проще, сказала она.

В семь вечера они закончили первичную проверку. Виктор и Дарья поставили подписи под временем удаления полного образа, которое уже подтвердил Антон. Очищенный набор запечатали отдельным паролем. Ася оставила себе бухгалтерную контрольную сумму, хотя понимала, что человеку она ничего не доказывает без файла.

Перед уходом Виктор спросил:

– Ты веришь, что запрос появился заранее?

– Я верю журналам в пределах того, что они умеют фиксировать.

сировать.

– Это да или нет?

– Это точнее, чем да или нет.

Он усмехнулся и убрал карточки в сумку.

Когда дверь закрылась, Ася вернулась к двум прогнозам. Ясная версия была создана обычным сервисом и совпала с Реченском. Грозная пришла из неизвестного источника и не сбылась здесь.

Она открыла карту области. На северо-востоке не было населённого пункта с погодой из второго файла. На западе совпадала температура, но ветер шёл с другой стороны. Если расширить поиск до всей страны, подходящих гроз нашлось бы достаточно, чтобы совпадение потеряло смысл.

Ася закрыла карту.

В 21:12 телефон Виктора, лежавший перед ней после проверки, на секунду включил экран. Сеть была отключена. Виджет погоды показал дождь на завтра и двадцать два градуса.

Потом сменился: ясно, тридцать один.

Ася не успела сделать снимок. Она записала оба значения на бумаге и посмотрела в окно.

Небо над Реченском оставалось чистым. Солнце уже опустилось за дом, но тень от кухонной рамы лежала так, будто свет приходил сверху.

Она передвинула стул и проверила угол снова. Тень вернулась на правильное место.

На экране телефона новый файл кэша не появился.

Зато в истории поиска возникла строка, которой минуту назад не было:

когда в Реченске начнётся гроза.

Время запроса: 08:05 следующего утра.

Ася отключила устройство и вынула аккумулятор, хотя знала, что это не объясняет уже сохранённую строку. Записала время по кухонным часам, затем позвала Антона.

Он прочитал запрос и посмотрел на окно.

– Если ночью пойдёт дождь, ты скажешь, что телефон угадал?

– Нет. Скажу, что один прогноз совпал.

– А если не пойдёт?

– Что другой совпал.

– Удобная система.

– Поэтому мне нужны не совпадения.

Ася положила телефон в металлическую кастрюлю и закрыла крышкой. Антон спросил, помогает ли это.

– От сети, возможно.

– А от завтра?

– Утром проверим.

За окном не было ни облака. В кастрюле экран один раз вспыхнул, но крышку Ася не подняла.

Глава 6. Третий голос

Утром грозы не было.

К восьми часам воздух над двором уже дрожал от жары. Ася сняла крышку с кастрюли в 08:04, положила телефон на стол и включила запись на отдельном устройстве. Антон стоял у окна с кружкой и вслух называл время каждую минуту.

В 08:05 телефон остался выключенным.

Запрос о грозе сохранялся в истории с будущей меткой, но ничего нового не появилось. В 08:07 Ася вынула устройство из поля камеры, вернула аккумулятор и включила. Системное время установилось правильно. Прогноз показывал ясный день и тридцать один градус.

Она записала: Предсказанное действие не произошло.

Антон заглянул через плечо.

– Телефон ничего не предсказывал. Там был вопрос.

– Действие, отмеченное будущим временем, не произошло.

– Так длиннее.

– Зато не превращает строку в человека.

В 08:12 позвонил Виктор. Он хотел провести плановый сеанс с Севером вечером, но после раннего запроса Дарья перенесла проверку в клинику. Ася должна была наблюдать за устройствами и не участвовать в подборе образов.

– Почему сегодня? – спросила она.

- Чтобы установить, видел ли Север грозу.
- Он мог видеть любой дождь.
- Передадим только дату и температуру.
- Двадцать два градуса не доказывают грозу.
- Поэтому отдельно проверим ветер.
- Три плохо передаваемых признака не превращаются в один хороший.

Виктор помолчал.

- Приезжай и скажи это Дарье.

В клинике они заняли кабинет без окон на втором этаже. Дарья выбрала его, чтобы погода не могла стать общим зрительным триггером. На столе стояли две одинаковые серые чашки, камертон, механический таймер и бумажные карточки. Телефоны оставили в коридоре у Антона. Он согласился ждать за дверью после обещания, что никто не станет называть его контрольной группой.

Виктор сидел под лампой. Кожа выглядела бледнее обычного, хотя давление оставалось нормальным. Он спал шесть часов и не принимал кофе с утра.

- Сначала цель, сказала Дарья.
 - Получить у Севера подтверждение даты тридцать первое июля.
 - Это уже есть во фрагменте.
 - Получить независимое подтверждение.
- Ася открыла журнал.
- Каким ответом?

– Кодом 0731.

– Если он получит эти цифры от тебя и вернёт их, это подтвердит только работающий канал.

Виктор посмотрел на карточку.

– Тогда спрашиваем погоду.

– Как?

Он предложил два образа: мокрый рукав для дождя, сухая ладонь для ясного дня. Дарья отказалась. У Севера могла быть мокрая одежда после мытья машины, а сухая ладонь не передавала отсутствие дождя.

Ася предложила вопрос проще: Был ли у тебя 31 июля контакт в 17:43? Подтверждением служила последовательность 1743, отрицанием пауза без ответа.

– Отрицание передаётся плохо, сказал Виктор.

– Значит, не получим ответ и не придумаем его.

Дарья записала цель: проверить совпадение времени без передачи новых подробностей аварии.

Сеанс назначили на 19:00. По прежнему расписанию Север должен был находиться дома. Нина знала о проверке и могла остановить её. Подтверждение её согласия передавали заранее выбранным образом закрытого окна. Если створка оставалась открытой, сеанс прекращался.

В 18:57 Виктор взял чашку. Большой палец лёг на гладкий край. Синюю кружку они больше не использовали для плановых опытов, чтобы не смешивать Нину с функцией связи.

Дарья проверила таймер.

Ася включила три независимые записи. Две цифровые, одну на кассетный диктофон Марка. Он отдал аппарат без вопросов и попросил вернуть плёнку целой.

В 19:00 Дарья ударила по камертону.

Нота была не си-бемоль. Они сместили звук на полтона после того, как старый триггер начал вызывать случайные осколки в быту. Новый тон Север получил неделю назад в коротком пробном сеансе.

Виктор закрыл глаза.

Сначала пришло окно.

Деревянная створка стояла плотно, ручка была повёрнута вниз. На подоконнике лежал свёрнутый чертёж Нины. Значит, она знала и не возражала.

Потом рука Севера коснулась края синей плитки. Не кружки. Осколок с места аварии лежал на белой салфетке. Рядом блокнот был открыт на времени 17:43.

Виктор удерживал четыре цифры, не произнося их. Один, семь, четыре, три. Не время на часах, а номер ячейки в нарисованной сетке.

Север ответил движением. Перевернул блокнот, провёл пальцем по строке и постучал четыре раза: один, семь, четыре, три в их условном ритме.

Канал работал.

Дарья подняла ладонь, показывая, что пора прекращать. Таймер отсчитал девять секунд.

Виктор уже отпуская образ, когда услышал второй камер-

тон.

Звук шёл выше и дрожал дольше. В кабинете никто не ударял по металлу. Ася смотрела на приборы, Дарья держала свой камертон за ножку.

Перед Виктором открылась другая комната.

Не кухня Севера и не его собственная квартира. Узкая прихожая с жёлтыми стенами, обувная полка справа, три крючка на высоте плеча. На одном висела зелёная куртка детского размера. Дверь открывалась наружу, к лестнице.

Он видел комнату из зеркала.

Мужчина стоял у раковины и прижимал салфетку к лицу. У него были волосы Виктора, его нос, седина над правым виском. Шрам шёл не по подбородку. Тонкая белая линия пересекала левую бровь и уходила к виску.

Мужчина убрал салфетку. На ней была кровь.

– Кто? – спросил он.

Голос не принадлежал ни Контур, ни Северу. Выше, с хрипотой после сна.

Виктор попытался открыть глаза. Не смог.

Жёлтая прихожая развернулась вокруг него. Левая рука стала короче, плечо находилось ниже. На безымянном пальце было кольцо, которого Виктор никогда не носил. Из комнаты позвала девочка:

– Пап, ты опять порезался?

Мужчина ответил:

– Не заходи.

Виктор услышал собственный голос в этих словах и одновременно знал, что никогда не говорил их этому ребёнку.

– Прекращаем, сказала Дарья.

Её голос пришёл издалека.

Ася выключила тон. Камертон на столе уже молчал, но высокая нота продолжалась внутри зубов.

В жёлтой квартире мужчина поднял голову. Посмотрел прямо в зеркало и сказал:

– Север?

Он знал имя.

Виктор попытался ответить Контур. Рот произнёс другое:

– Третий.

Комната исчезла.

Он оказался на полу клиники. Чашка разбилась рядом, вода дошла до ножки стола. Дарья держала его голову, не позволяя подняться. Ася отодвигала осколки ботинком.

– Имя? – спросила Дарья.

Виктор назвал имя Севера.

– Твоё имя.

Он знал ответ, но к нему вели три одинаковые дороги. Виктор Андреевич Карелин. Север, которого звали Виктором. Мужчина в зеркале, которого девочка назвала папой.

– Контур, сказал он.

– Это обозначение. Как тебя зовут?

– Виктор.

– Фамилия?

– Карелин.

– Где ты?

Он посмотрел на жёлтую стену за Дарьей. Стена кабинета была белой.

– В клинике.

– Какой цвет стен?

– Белый.

Тошнота пришла после ответа. Виктор повернул голову, Дарья успела подставить пластиковый лоток. Его вырвало водой.

Ася позвала дежурного врача. Виктор слышал её речь отдельными словами: давление, контакт, потеря ориентации, меньше минуты. Потом слова смешались с чужой девочкой за дверью.

– Пап?

Он поднял руку, прося всех замолчать.

В кабинете не было ребёнка.

Дарья спросила, что он слышит.

– Девочку. Не Соню.

– Откуда знаешь?

– Голос другой.

– Что она говорит?

– Зовёт отца.

– Тебя?

Виктор закрыл глаза, но жёлтая квартира не вернулась. Осталось только чувство, что зелёная детская куртка висит

слишком низко и мешает открыть дверь.

– Не знаю.

Ему поставили капельницу и перенесли в палату наблюдения. Дарья запретила вставать. Ася принесла из коридора телефон, но не отдала, положила экраном вниз на тумбу.

– Записи? – спросил Виктор.

– Есть.

– Высокий тон?

– На цифровых нет. На кассете ещё не проверяла.

– Мой ответ?

– Ты сказал “третий”.

– До этого был другой голос.

Ася посмотрела на Дарью.

– На одной записи есть короткий вдох. Может быть его, может быть шум усилителя.

– Он назвал Севера.

– Кто? – спросила Дарья.

Виктор описал мужчину в зеркале. Сходство лица, белая линия через левую бровь, кольцо, детская куртка и голос девочки. Дарья записывала, не прерывая. Когда он закончил, попросила назвать три различия между мужчиной и собой.

– Шрам. Кольцо. Рост.

– Рост ты откуда знаешь?

– Крючки были ниже.

– Это не измерение.

– Тогда шрам, кольцо, ведущая рука.

– Какой он рукой держал салфетку?

Виктор попытался вспомнить. В зеркале движение было обращено. Собственное плечо всё ещё ощущалось ниже, чем обычно.

– Не знаю.

– Хорошо.

Она записала только два различия как надёжные.

Дарья достала из его сумки карточку состояния, которую Виктор заполнил перед сеансом. Там были утренние события: проснулся в 06:40, принял душ, сварил кофе, забрал из ремонта наушники, приехал в клинику на метро.

– Расскажи завтрак, сказала она.

– Кофе.

– Что ел?

Виктор увидел зелёную детскую куртку на крючке. Под ней стояли маленькие резиновые сапоги. На кухонном столе в жёлтой квартире лежал хлеб с творожным сыром, разрезанный по диагонали. Мужчина со шрамом у брови не любил корки и оставлял их на краю тарелки.

Знание пришло целым, без сцены начала завтрака.

– Бутерброд, сказал Виктор.

Дарья посмотрела на карточку. Возле кофе стояло: не завтракал.

– Чей бутерброд?

Он сжал пальцы. Кольца не было.

– Не мой.

– Откуда знаешь?

– Я не покупал творожный сыр.

– Ты уверен?

В холодильнике дома Виктора стояли горчица, молоко, половина лимона и контейнер, который принесла Галина. Творожного сыра не было. Но проверить это воспоминание он сейчас не мог: рядом сразу возникал другой холодильник, низкий, с детским рисунком под магнитом.

– Нет, сказал он. – Проверю дома.

– До проверки не открывай холодильник один.

– Он не опасен.

– Опасен не холодильник. Ты можешь принять узнавание за доказательство дома.

Ася подняла глаза от цифрового рекордера.

– На первой записи время нормальное. Вторая получила дополнительный суффикс.

– Какой? – спросил Виктор.

– Не семнадцать. Другое значение.

– Какое?

– Сначала проверю, относится ли оно к файлу или устройству.

Виктор протянул руку к рекордеру. Ася отодвинула его.

– Ты пациент.

– Это мой сеанс.

– Поэтому ты заинтересованная сторона.

– Покажи экран.

– Нет.

Отказ вызвал непропорциональную злость. Виктору показалось, что Ася прячет единственную деталь, способную вернуть жёлтую квартиру и ответить ребёнку. Желание было не его обычным стремлением знать. Оно сопровождалось уверенностью, что устройство принадлежит ему и лежит не с той стороны стола.

Он убрал руку.

– Я сейчас хотел забрать рекордер, сказал Виктор.

– Заметила.

– Потому что считал его своим.

Ася посмотрела на серый корпус. На нём была наклейка студии Контур, которую Виктор сам приклеил год назад.

– Он и так рабочий, твой.

– Нет. Я считал, что держал его утром в другой квартире.

Дарья попросила описать это ощущение. Виктор объяснил: не воспоминание о покупке и не узнавание царапины, а готовое право взять предмет без вопроса. В жёлтой квартире лежал похожий рекордер с красной кнопкой сбоку. Мужчина использовал его, чтобы записывать детский кашель по ночам.

– Ребёнок болен? – спросила Дарья.

– Не знаю.

– Ты сказал про кашель.

– Он записывал. Это не значит, что она болела.

Фраза вернула ему собственный темп речи. Он услышал

точность, за которую обычно цеплялся, и впервые обрадовался ей.

Дарья попросила Асю убрать все устройства в непрозрачный пакет. Затем разложила на тумбе пять вещей: ключи Виктора, свои очки, кассовый чек, зажигалку дежурного врача и синий карандаш Сони, оставшийся в её сумке.

– Не называй владельцев, сказала она. – Скажи только, к чему ты имеешь право прикоснуться без разрешения.

Виктор выбрал свои ключи. На чек мог посмотреть, но не забирать. Очки принадлежали Дарье. Зажигалка врачу. Карандаш Соне, даже если лежал у матери.

На последнем предмете он задержался. В жёлтой квартире девочка тоже рисовала синим. Но право на карандаш от этого не менялось.

– Ни к чему, кроме ключей.

Дарья убрала предметы.

– Если готовая чужая биография снова даёт право на человека или вещь, говоришь сразу.

– Это не медицинский тест.

– Нет. Это наше правило до того, как появится медицинский.

Ася завязала пакет и записала на нём время. Суффикс файла она всё ещё не показала. Виктор заметил, что теперь способен ждать, хотя высокая нота продолжала отзываться в зубах.

Через двадцать минут он вспомнил собственное утро. Ко-

фе выпил стоя, не ел, наушники забрал вчера, а не сегодня. В клинику приехал на автобусе, потому что метро останавливали на проверку. Карточка содержала две ошибки, сделанные до сеанса.

– Это мои ошибки, сказал Виктор.

– Почему? – спросила Дарья.

– Потому что я помню, как перепутал дни в мастерской. И потому что билет на автобус у меня в кармане.

Билет проверили. Время совпало. Это не доказывало целостность всей памяти, но возвращало один утренний маршрут.

Через час пришла Соня. Дарья вызвала её не ради проверки, а потому что должна была забрать после занятия и не успевала. Соня вошла в палату, увидела капельницу и остановилась у двери.

– Ты опять отсутствовал?

– Да.

– Долго?

– Меньше минуты. Потом ещё путался.

– Сейчас знаешь, кто я?

Вопрос прозвучал прямо, без игры. Виктор увидел щель между её передними зубами, бумажную наклейку под прозрачным чехлом телефона и синюю краску на ноге.

– Соня. Девять лет. Через девятнадцать дней будет десять. Она посмотрела на Дарью.

– Он всегда считает дни?

– Когда боится ошибиться, сказала Дарья.

Соня подошла ближе.

– Можно без возраста.

– Можно.

– Кого ты видел?

– Человека, похожего на меня.

– Севера?

– Нет.

Она ждала. Виктор не добавил подробностей о девочке. Не потому что скрывал угрозу, а потому что чужой ребёнок не должен был становиться способом доказать Соне масштаб события.

– Ещё одного, сказал он.

– Сколько вас теперь?

– Не знаю.

Соня села на стул и поставила тубус между коленями.

– Тогда не называй его третьим.

– Почему?

– Потому что вдруг он был первым.

Ася тихо выругалась у окна.

– Что? – спросила Дарья.

– Ничего. Ребёнок за десять секунд сломал нашу нумерацию.

Виктор попросил принести кассету. Ася отказалась до окончания наблюдения. Она уже прослушала запись в другой комнате. На плёнке высокий тон отсутствовал, но после

девятой секунды возникал третий голос.

Он произносил одно слово.

Не Север.

Кто.

Голос был тем же, который Виктор слышал в жёлтой квартире.

Дарья спросила, мог ли это сказать кто-нибудь в коридоре. Ася ответила, что дверь была закрыта, но звукоизоляция неполная. Антон в тот момент находился возле поста и разговаривал с медсестрой. Дежурный врач шёл по коридору. Обычный источник существовал.

– А на цифровых? – спросил Виктор.

– На первой записи слово есть в левом канале. На второй вместо него короткий провал.

– Двенадцать секунд?

– Меньше одной.

Дарья закрыла блокнот.

– Новых сеансов не будет минимум две недели.

– Север не знает, что произошло.

– Передадим простой сигнал остановки после выписки.

– Он мог тоже получить третьего.

– Тем более остановка.

Виктор хотел спорить. Высокая нота ещё жила в челюсти, чужое кольцо ощущалось на пальце, а за дверью памяти стоял ребёнок, который мог снова позвать. Любая пауза казалась отказом от человека, уже задавшего вопрос.

Он посмотрел на Соню. Она держала тубус закрытым и не предлагала рисунок.

– Две недели, сказал Виктор.

Дарья исправила:

– Минимум.

– Минимум две недели.

К вечеру давление пришло в норму. Виктор смог без задержки назвать адрес, дату и события утра. Жёлтая прихожая сохранялась слишком отчётливо, но он уже не ощущал её своим домом.

Перед выпиской Ася дала ему прослушать копию третьего голоса один раз.

На записи камертон затихал. Дарья говорила: Прекращаем. Потом слышался вдох и короткое, хриплое:

Кто?

Виктор не узнал собственный голос.

Север так не говорил.

Он попросил не усиливать фрагмент. Ася сохранила исходные каналы отдельно и убрала кассету в конверт.

На обороте она написала: Источник не установлен. Не считать третьим до подтверждения порядка.

Виктор поставил подпись. Когда взял ручку, безымянный палец на секунду попытался обойти кольцо, которого на руке не было.

Глава 7. Несбывшееся

Через три дня Марк приклеил к стене лист с надписью НЕ ПРОИЗОШЛО.

Под ним висели гроза, столкновение трамвая с маршруткой, разбитое стекло, поиск в 08:05 и женщина Ирина. Рядом он оставил пустое место для всего, что они ещё успеют предсказать неправильно.

- Это не предсказания, сказал Виктор.
- Поэтому заголовок без слова “предсказание”.
- Надпись всё равно задаёт версию.

Марк снял лист, перевернул и написал: НЕ ЗДЕСЬ.

- Так лучше?
- Хуже.
- Отлично. Значит, начали думать.

Они собрались в студии пятого августа. Новые сеансы были запрещены, но Дарья разрешила работать с уже полученными материалами не больше сорока семи минут подряд. Виктор установил таймер. Марк заявил, что ограничение придумано человеком, который никогда не монтировал разговор длиннее рекламного ролика, однако согласился.

Ася принесла очищенную копию журналов и три бумажные таблицы. После истории с полным образом она больше не подключала рабочий диск к сети. Антон записал пароль на бумаге своим простым шрифтом, который Ася разгадала

за минуту, но не стала менять без него.

Дарья участвовала по видеосвязи из клиники. Камеру не включала, чтобы Виктор не начал использовать выражение её лица как медицинский показатель.

– Цель встречи? – спросила она.

– Разделить совпавшее и несбывшееся, ответил Виктор.

– Нет, сказал Марк. – Найти, почему вы продолжаете называть одно совпадением, а другое ошибкой.

Ася открыла первую таблицу.

В колонке местных событий стояли сухая погода 31 июля, остановившийся перед маршруткой трамвай, мужчина с сердечным приступом, отсутствие поиска в 08:05 и обычный светофор. В соседней колонке находились гроза, удар, женщина за разбитым стеклом, заранее созданный запрос и наложение красного с зелёным.

Третью колонку она пока скрыла.

– Почему гроза относится к аварии? – спросил Марк.

– Одинаковый файловый суффикс, сказала Ася.

– Это причина положить их рядом в компьютере. Почему они относятся к одному миру?

– Мы не говорим “мир”.

– Вы говорите “группа”, чтобы не произносить слово, которое всё равно имеет в виду.

Виктор посмотрел на карточки. Грозовой прогноз существовал на ту же дату, что авария Севера. Ранний запрос содержал номер маршрутки, известный ему. Эти детали под-

держивали друг друга. Но поддержка могла возникнуть потому, что Ася искала именно связи с Севером.

– Добавь всё с суффиксом семнадцать, сказал он.

Ася вывела девять строк. Пять кэш-карт, пустая запись, прогноз, запрос и фотография северного берега.

Марк прочитал адреса карт.

– Здесь не только старый рынок. Садовая, Харитонов, Южная набережная, какой-то проезд без названия.

– Все связаны с нашими прошлыми проверками, сказала Ася.

– Значит, суффикс может обозначать пользователя, а не источник.

– Пользователь везде один.

– Виктор?

– Нет. Процесс, который создаёт вторую запись.

Марк приклеил рядом новый лист: КТО ЗАПИСАЛ.

– Ты опять делаешь заголовок, сказал Виктор.

– Это моя единственная полезная функция среди людей с таблицами.

Таймер прозвенел. Дарья потребовала перерыв. Виктор встал, прошёл в кухню и обнаружил, что рука уже тянется к серой чашке. Он выбрал стеклянный стакан. Чужого кольца не ощущал с утра, но иногда большой палец искал край, которого на предмете не было.

Полина вошла за кофе, увидела стену и прочитала две надписи.

– Вы готовите выставку?

– Пока план рассадки, сказал Марк.

– Тогда повесь себя под “кто записал”.

Она ушла, не спрашивая дальше.

После перерыва Ася открыла третью колонку. Там находились материалы из жёлтой квартиры: высокий тон, другой шрам, детская куртка, кольцо, бутерброд с творожным сыром, рекордер и новый файловый суффикс.

До жёлтой квартиры они проверили старые осколки, которые раньше считали шумом. За июнь и июль у Виктора накопилось одиннадцать коротких записей без ясной биографии. В одной он видел закрытый газетный киоск возле школы. Киоск в Реченске работал. В другой знал, что лестницу у Южной набережной покрасили синей краской, хотя здесь перила оставались зелёными. Третья содержала запах свежего хлеба в цехе, закрытом после пожара два года назад.

– По отдельности всё объясняется, сказал Виктор. – Киоск мог быть закрыт утром. Лестницу могли перекрасить и вернуть цвет. Хлеб мог привидеться из-за пекарни рядом.

– А вместе? – спросил Марк.

Ася наложила даты. Закрытый киоск, синяя лестница и работающий хлебный цех шли с суффиксом 17. Ещё две записи той же группы описывали красный автобус на маршруте, где в Реченске ходили только белые, и аптеку с электронным табло.

– Это Север, сказал Виктор.

– Почему?

– Аптека и авария его.

– Остальное?

– Не знаю.

Марк передвинул карточку аптеки в центр стола.

– Ты узнаёшь его жизнь по одной подтверждённой сцене.

Всё, что получило тот же номер, автоматически отдаёшь ему.

– Номер не выбирал я.

– Колонку выбрал ты.

Ася открыла материалы Севера, которые приходили через контролируемые сеансы. У них не было суффикса 17. Большинство записей создавались обычными устройствами уже после передачи и сохраняли только пересказ Виктора.

– Мы не можем сравнить, сказала она. – Для прямых воспоминаний нет исходного файла.

– Есть детали, которые Север подтвердил позже, сказал Виктор.

– Подтвердил после того, как получил от тебя вопрос, напомнила Дарья.

Они составили отдельный список подтверждений, появившихся независимо. Код подъезда 4813 существовал до того, как Виктор назвал его. План кухни совпал с описанием Нины. Выход 6 работал в линии Севера и был закрыт здесь. Синяя кружка принадлежала их дому. Эти элементы образовывали биографию, но не доказывали, что все записи 17 принадлежат ей.

– Назовём колонку не “Север”, а “семнадцать”, сказала Ася.

Виктор возразил:

– Тогда человек исчезает за номером.

– Мы не знаем, что номер человек.

– Но часть там его.

– Часть твоих файлов связана с его воспоминаниями. Это точнее.

Марк написал на карточке: Север внутри 17? и поставил вопросительный знак так близко, что тот выглядел крючком цифры.

Следующая группа не имела постоянного суффикса. Она повторялась через сочетание жёлтого цвета, высокой ноты и файлов, где время заканчивалось одной и той же долей секунды. Ася нашла три старых кэша. Один содержал схему дома без адреса. Второй, пустой список покупок с заранее отмеченным творожным сыром. Третий, фрагмент календаря с детским праздником.

Виктор никогда их не открывал. По крайней мере, не помнил.

– Ребёнок из квартиры, сказал Марк.

– Или обычные файлы Сони, ответил Виктор.

Ася проверила даты. Список покупок появился в марте, когда Виктор ещё не устанавливал это приложение. Календарь хранился в системном кэше и мог принадлежать демонстрационным данным. Схема дома была частью загруженной

карты.

– Опять всё объясняется, сказал Марк.

– Каждый файл обязан иметь обычный формат, сказала Ася. – Иначе он не откроется на устройстве.

– Я про другое. У каждого есть правдоподобная биография.

Дарья ответила через динамик:

– У ошибок тоже есть биография. Вопрос, повторяется ли механизм.

Они вынесли на отдельный лист признаки механизма: сведения появляются до доступного действия, файлы группируются по служебным полям, несовпадающие детали внутри группы поддерживают друг друга, а попытка проверить одну деталь иногда меняет другую.

Последний пункт предложила Ася и сразу пометила как неподтверждённый. Изменение могло происходить в памяти наблюдателя, а не в файле.

– Какой номер? – спросил Марк.

– Не номер. Два знака.

– Какие?

– Сначала 31, потом символ, похожий на повреждённую единицу.

– Тридцать один?

– Я сказала, на что похоже.

– Почему скрывала?

– Потому что число превращает список в готовую теорию.

– Семнадцать ты не скрывала.

– Семнадцать уже было в девяти файлах. Здесь одна запись.

Марк написал на отдельном листе 31? и положил на стол, не приклеивая к стене.

Виктор описал незнакомую квартиру заново. Не закрывая глаз и не пытаясь войти в осколок. Жёлтые стены. Дверь наружу. Обувная полка справа. Три крючка. Детская зелёная куртка. Мужчина у зеркала.

– Что было за дверью? – спросил Марк.

– Лестница.

– Этаж?

– Не знаю.

– Окно?

– На площадке, узкое.

– Что видно?

Виктор вспомнил серую стену соседнего дома. На ней находились балконы и вертикальный ряд окон. Одно окно было заложено светлым кирпичом.

– Дом напротив, сказал он. – Восемь или девять этажей. Между пятым и седьмым нет ряда окон.

– То есть шесть этажей.

– Нет. Первый, второй, третий, четвёртый, пятый, потом седьмой и выше.

Ася подняла голову.

– Нумерацию ты видел?

– Нет.

– Тогда почему называешь седьмой?

Виктор не нашёл сцены с цифрой. Знание было семантическим, готовым. Житель квартиры считал этаж над пустым рядом седьмым.

– Он так знал.

– Кто он? – спросил Марк.

– Человек в зеркале.

– Тогда записываем не “нет шестого этажа”, а “источник считает этаж после пятого седьмым”.

Марк произнёс это без насмешки. Виктор записал точную фразу.

Ася нашла среди кэшей карту проезда без названия. В центре стоял дом, обозначенный девятиэтажным. Фотографии фасада не было. В одной версии карты количество этажей показывалось как восемь, в другой как девять. Суффикс второй записи не 17 и не новый знак. Поле оставалось пустым.

– Адрес? – спросил Виктор.

– Северный берег, за старой типографией. Пешком пятнадцать минут.

Марк уже взял куртку.

Дарья услышала движение через микрофон.

– Нет.

– Мы не вызываем связь, сказал Марк.

– Вы едете проверять квартиру после перегрузки Виктора.

– Виктор остаётся здесь.

– Нет, сказал Виктор.

– Ты только что не смог отделить номер этажа от чужого знания.

– Поэтому мне нужно увидеть дом.

– И добавить увиденное в осколок так, что потом не отделишь.

Марк остановился у двери.

– Тогда поеду я.

– Один? – спросила Ася.

– Возьму Полину. Она не знает, что должна найти.

Из соседней комнаты донеслось:

– Я всё слышу и никуда не еду.

Марк вернулся к столу.

– Рабочая дисциплина разрушена.

В итоге поехали Марк и Ася. Виктор остался в студии с включённой видеосвязью Дарьи. Таймер снова поставили на сорок семь минут. Если они не вернутся к звонку, проверка прекращалась независимо от результата.

Ася показывала дорогу камерой только на перекрёстках, не направляя её на прохожих. Дом стоял за бывшим складом бумаги. Девять этажей, светлый кирпич, три подъезда. Ряд окон между пятым и седьмым существовал.

– Обычный шестой, сказала Ася.

– Сними табличку лифта, попросил Виктор.

– Ты не руководишь выездом.

Марк вошёл в подъезд после женщины с коляской. Домофон не ломал, жильцам не представлялся. В лифте кнопки шли от первого до девятого без пропусков.

Он нажал шестой.

Дарья сказала:

– Это уже не осмотр с улицы.

– Общая зона, ответил Марк.

Лифт остановился. Двери открылись на глухую стену.

Не площадку. Перед кабиной находилась окрашенная бежевая панель на расстоянии двадцати сантиметров. На ней висело объявление: Выход временно закрыт. Пользуйтесь лестницей.

– Вот теперь у нас проблема, сказал Марк.

Ася показала панель сбоку. Она была обычной ремонтной перегородкой. За ней слышались удары и голоса рабочих. На пятом этаже висело объявление о замене плитки шестого этажа с первого по десятое августа.

– Ремонт, сказала Дарья.

– Удобный, ответил Марк.

Они поднялись по лестнице. На площадке шестого этажа рабочие снимали старую плитку. Квартиры имели номера, дверь наружу не открывалась ни у одной. Стены были серыми, детской зелёной куртки не было.

Ася спросила про жёлтые стены у рабочего. Тот сказал, что до ремонта коридор был бежевым, не жёлтым. Марк не стал показывать фотографию Виктора или задавать вопросы

жильцам.

На улице они сверили фасад. Заложённое окно находилось между шестым и седьмым этажами и относилось к технической кладовой. Из-за широкого промежутка ряд казался отсутствующим на уменьшенной фотографии.

– Несбывшееся? – спросил Марк в камеру.

– Неподтверждённое, сказал Виктор.

– Дом существует. Шестой этаж существует. Лифт открылся в стену. Каждый может выбрать любимый вывод.

Ася показала часы. До сигнала оставалось четыре минуты. Они завершили проверку и вернулись.

Марк принёс с собой рекламный буклет застройщика, взятый со стойки у входа. На схеме фасада этажи были пронумерованы. После пятого сразу шёл седьмой. Внизу мелким шрифтом объяснялось, что шестой уровень занимают технические помещения.

– Это обычное объяснение, сказала Дарья.

– Да, ответил Марк. – И оно не совпадает с обычным шестым этажом, который мы только что видели.

Ася проверила год печати буклета. Дом строили двенадцать лет назад, потом технический уровень переоборудовали под квартиры. Старую схему не обновили.

Марк повесил буклет между двумя листами на стене.

– Вот чего мы не делаем, сказал он. – Не делим на сбылось и не сбылось. Иначе ремонтная перегородка станет порталом, а сердечный приступ докажет трамвайную аварию.

– Что делим? – спросил Виктор.

– По источнику.

Он указал на группу с суффиксом 17, затем на лист 31?, потом на обычные документы дома.

– Одна версия врёт одинаково. Другая версия ошибается иначе. Нормальный город тоже противоречит себе, но у него для этого есть рабочие, старые буклеты и ленивый застройщик.

– Ты уже называешь группы версиями, сказала Ася.

– Потому что группа ничего не хочет. Версия хотя бы отвечает на вопрос: версия чего?

Дарья спросила, кого он считает источником.

– Не человека. Пока набор условий, при которых детали держатся вместе.

Виктор посмотрел на стену. Гроза сочеталась с аварией Севера. Жёлтая квартира сочеталась с другим шрамом и ребёнком. Реченск сочетался с целым стеклом, сердечным приступом и обычным шестым этажом после ремонта.

Каждый набор был неполным. Но внутри одного набора причины не приходилось менять после каждой новой детали.

Ася переименовала колонки: местный, север, жёлтая квартира, не распределено.

– Не называй его третьим, напомнил Виктор.

– Поэтому квартира.

Марк снял лист НЕ ЗДЕСЬ.

Но прежде чем повесить новый, он достал телефон.

– Мне нужен человек из управляющей компании этого дома.

– Зачем? – спросила Ася.

– Узнать, когда технический этаж стал жилым и почему буклет не обновили.

– Это уже расследование жильцов.

– Это вопрос о здании.

– Ответ будет содержать фамилии, подрядчиков и документы.

– Документы существуют для того, чтобы их читать.

Виктор посмотрел на Марка. Тот держал телефон, но номер ещё не набрал.

– Что изменит ответ? – спросил Виктор.

– Если переоборудование произошло в дату одного из файлов, получим связь.

– А если не произошло?

– Уберём дом.

– Из какой группы?

– Из расследования.

– Дом всё равно останется в памяти того человека.

Марк положил телефон на стол.

– Мы не знаем, что человек существует.

– Голос есть на кассете.

– Слово есть на кассете. Ребёнок, квартира и шрам пока существуют только у тебя.

Виктор хотел напомнить, что Север начинался так же: с

кухни, руки и женщины у окна. Марк бы ответил, что именно поэтому проверка нужна раньше доверия. В первой книге Виктор требовал доказательств от близких и превращал их память в показания. Теперь он защищал неизвестного человека от того же требования.

– Можно проверить здание без жильцов, сказал Марк. – Архив разрешений, публикации подрядчика, старые объявления.

– По открытым данным, добавила Ася.

– Вы произносите это как молитву. Открытые данные тоже принадлежат людям.

Дарья спросила:

– Тогда зачем ты хочешь их искать?

Марк прошёлся вдоль стены. Под надписью КТО ЗАПИСАЛ край бумаги начал отклеиваться. Он прижал его большим пальцем.

– Потому что если мы будем ждать идеального согласия, исчезнет возможность понять угрозу до следующей аварии.

– Угроза кому?

– Виктору. Соне. Нине. Человеку в жёлтой квартире, если он есть.

– Ты уже включил его в список людей, которых спасаешь, сказал Виктор.

– А ты уже включил в список людей, которых нельзя про-
верять.

Оба замолчали. Спор был устроен симметрично и от этого

не становился честнее.

Ася предложила правило: искать можно свойства объектов и публичную хронологию, но не имена жильцов, медицинские записи и частные контакты. Если объект приводит к конкретному человеку, следующий шаг обсуждается отдельно.

– То есть разрешение на архив здания получено? – спросил Марк.

– Получено условие остановки, сказала Дарья.

Марк открыл городской реестр. Разрешение на переоборудование технического уровня было выдано девять лет назад. Подрядчик закончил работы через семь месяцев. В старой новости жильцы жаловались, что лифт открывается в стену во время ремонта. Фотография показывала ту же бежевую панель.

Жёлтых стен на снимке не было. Зато над панелью висела табличка с цифрой 7. Этаж ниже обозначался пятёркой. Рабочий держал в руках снятую шестёрку.

– Вот источник знания, сказал Марк. – Старая фотография.

– Виктор её видел? – спросила Дарья.

Ася проверила историю. Новость открывалась сегодня впервые. Но фотография могла попадаться в выдаче, кэше карт или чужом материале студии.

– Не доказать, сказала она.

Марк сохранил ссылку, не изображение.

– Обычная версия стала сильнее.

Виктор рассмотрел фотографию. Планировка площадки не совпадала с жёлтой квартирой. Дверь лифта была другой, окно шире. Единственной общей деталью оставался пропущенный номер.

– Дом не тот, сказал он.

– Тогда почему ты узнал отсутствие этажа?

– Не узнал. Сравнил.

– Это и есть проблема, ответил Марк. – Мы всё время сравниваем детали, которые не обязаны принадлежать одному месту.

Он предложил искать не адрес жёлтой квартиры, а повторяющийся порядок несовпадений. Если разные записи меняли этаж, погоду и пострадавшего независимо, это был шум. Если один набор всегда сохранял внутренние отношения, перед ними находился источник.

– Человек? – спросил Виктор.

– Сначала источник. Человеком он станет, когда сможет ответить не нашим словом.

– Он спросил “кто”.

– И это лучший аргумент. Поэтому мы не должны улучшать его ответ.

Фраза прозвучала привычно для монтажа. Марк много раз говорил героям интервью не повторять мысль красивее после записи. Теперь он сам оставил одно хриплое слово без пояснения.

– Кассету не трогаем, сказал он. – Не чистим шум, не выравниваем голос, не строим из вдоха биографию.

Ася внесла это в таблицу как правило источника. Виктор согласился.

Марк снова взял лист.

На его месте написал: ОТКУДА.

Ниже оставил пустую стену.

Телефон Марка завибрировал. Он прочитал сообщение и машинально повернул экран к столу. Варя прислала фотографию окна: по стеклу шёл сильный дождь, за ним расплывались огни незнакомой улицы.

– Где она? – спросила Ася.

Марк убрал телефон.

– У себя.

– В каком городе?

– Это имеет отношение к прогнозу?

Ася не ответила сразу. Возможность проверить грозовую температуру возникла слишком удобно.

– Может иметь, сказала она.

Марк снова посмотрел на фотографию. Под ней Варя написала: Зонт опять забыла. Тот, который ты обещал вернуть кафе, всё ещё у тебя?

Зонт стоял в углу студии.

– Я могу спросить температуру и время, сказал Марк.

– Можешь, ответил Виктор. – Но сначала придётся объяснить зачем.

– И тогда ответ уже будет частью проверки.

– Да.

Марк набрал сообщение, показал им перед отправкой: Зонт у меня. Завтра отправлю. Ты промокла?

Ни времени, ни города, ни температуры.

Варя ответила, что промокла только сумка и что завтра зонт ей уже не поможет. Марк положил телефон рядом с буклетом.

– Дождь остаётся не распределённым, сказал он.

Ася перенесла фотографию не в таблицу, а в закрытую семейную переписку, где та уже находилась. Никакой копии не сделала.

На стене осталось четыре набора и один вопрос. Впервые число несбывшихся деталей не выглядело списком ошибок. Оно выглядело несколькими рассказами, которые происходили не в одном месте.

Виктор сфотографировал стену без приближения. Названия колонок читались, отдельные фамилии и адреса нет. Оригиналы Ася убрала в четыре разные папки, чтобы новое название не стало ещё одним способом смешать источники.

Таймер прозвенел в третий раз. Дарья отключила видеосвязь только после того, как Виктор назвал дату, адрес студии и собственный завтрак. Он ответил без жёлтой кухни.

Перед уходом Марк погасил свет. Белые листы исчезли, а крупное слово ОТКУДА ещё несколько секунд отражало свет коридора. Вопрос оставался виден дольше фактов, но

не становился от этого ответом.

Глава 8. Карта ошибок

Утром седьмого августа Ася сняла со стены слово ОТКУ-ДА и положила его на пол.

Марк пришёл первым и обнаружил её на четвереньках среди распечатанных городских схем. Ковролин был размечен малярной лентой на квадраты. В одном лежали транспортные карты, в другом снимки улиц, в третьем листы с координатами. Ноутбук стоял на перевернутом ящике, чтобы не наступить на провод.

- Ты решила, что стене нельзя доверять?
- Стена маленькая.
- Это аргумент против помещения.
- Против нашей привычки складывать всё вверх.

Она не разрешила ему пройти к столу, пока он не снял ботинки. Марк поставил пакет с кофе у двери и в носках перешагнул первую полосу. На центральной схеме Реченска были отмечены тринадцать точек. Не кружками, а короткими цветными штрихами, похожими на порезы.

- Тринадцать уже звучит как выбор, сказал он.
- Потому что это выбор. Я исключила всё, что нельзя привязать к месту независимо от рассказа Виктора.
- Жёлтую квартиру?
- И квартиру, и кухню Севера, и Варин дождь. Адрес дома за типографией оставила только как проверенный объект, не

как адрес источника.

Марк присел возле карты. Красные штрихи стояли у старого рынка, автобусного кольца, двух станций метро, трамвайного депо и набережной. Ещё несколько располагались там, где транспортные линии пересекались не на бумаге, а в разных уровнях: тоннель под улицей, путепровод, подземный переход.

– Ты нанесла места аварий.

– Нет. Места, где расходятся данные.

Она протянула ему прозрачный лист. На нём были только красные точки. Если положить его на карту, они почти совпадали с транспортными узлами. Почти было важнее совпадения: одна точка лежала посреди двора, другая в русле Лемы, третья на закрытой территории бывшего завода.

– Погрешность координат?

– Для телефона у метро нормальная. Для фотографии с сервера городского портала странная, но возможная. Для старой схемы вообще бессмысленный вопрос. Поэтому я не складывала их в один слой.

Под первой прозрачной плёнкой лежали ещё три. На каждой Ася использовала свой цвет: синий для местных данных, красный для файлов с суффиксом 17, жёлтый для сведений, которые могли относиться к незнакомой квартире, серый для всего, что не выдерживало проверки.

– Ты всё-таки дала квартире цвет, сказал Марк.

– Цвет, не адрес.

Виктор пришёл с Дарьей через десять минут. Дарья увидела пол и спросила, предусмотрен ли на карте путь к аптечке. Ася молча обозначила его двумя полосами ленты. Виктор остановился у порога. Сверху схема напоминала плохо собранный витраж: одна река, несколько береговых линий, улицы, смещённые на ширину дома, и транспортные маршруты, которые начинались вместе, а заканчивались в разных кварталах.

– Сколько ты работала? – спросила Дарья.

– Сегодня два часа. Вчера вечером подготовила координаты.

– Без Виктора?

– Он не является обязательным оборудованием.

Дарья кивнула, будто именно такой ответ и требовался.

Виктор сел на свободный край ковролина. После клиники пол всё ещё казался ненадёжным, хотя головокружения не было со вчерашнего утра. Он назвал дату, время и адрес студии до того, как Дарья попросила. Марк подал ему кофе, но тот выбрал воду.

Ася начала с местного слоя. Синие линии точно повторяли действующие маршруты. Старый рынок соединялся с трамвайным кольцом, кольцо с депо, метро пересекало Лему между «Набережной» и «Литейной». Ничего необычного в этой карте не было, кроме того, что её пришлось собирать заново для сравнения с городом, в котором они жили.

Красный слой выглядел почти так же. Различия обнару-

живались возле пересадок. Маршрут 23 после старого рынка уходил на север раньше, чем в местной последовательности. Один автобус пересекал трамвайные пути у улицы, где теперь стоял торговый павильон. Схема северного берега показывала короткий проезд от «Литейной» к реке. В местной карте он обрывался в служебной зоне станции.

– Это может быть старая редакция, сказал Марк.

– Каждое отличие по отдельности может, ответила Ася. – Проблема в датах. Эта схема якобы создана в июле. Такой маршрут существовал до реконструкции четырнадцать лет назад. Проезд к реке закрыли восемнадцать лет назад. Остановка у завода получила нынешнее название шесть лет назад. Ни одна историческая карта не содержит все три состояния одновременно.

– Составитель смешал источники.

– Это земная версия номер один.

– Почему номер один?

– Потому что она хорошая.

Марк отпил кофе и посмотрел на красные линии внимательнее.

Виктор не следил за отдельными названиями. Его беспокоило другое. Ошибки появлялись не посреди маршрутов, а там, где человек выбирал продолжение: у лестниц, пересадок, поворотов, платформ. Даже точка в русле реки относилась к тоннелю метро, проходившему под водой.

– Покажи места создания файлов, попросил он.

Ася достала ещё одну плёнку. На ней стояли маленькие чёрные кресты: студия, квартира Виктора, клиника, серверная городского портала, неизвестный адрес для части кэша.

Кресты не совпадали с цветными штрихами.

– То есть карта показывает не то, где возникла ошибка, сказал Виктор.

– А то, о чём был файл.

– Не всегда. Погодный прогноз относится ко всему городу.

– Я привязала его к станции наблюдения, указанной в метаданных.

– И она тоже возле пересадки.

Ася подняла лист, сверилась с подписью и вернула на место.

– В двухстах метрах от автобусного кольца.

Марк спросил, нет ли у них простой ошибки выборки. Они расследовали аварию на транспорте, пользовались городскими схемами и вспоминали закрытый выход метро. Естественно, большая часть собранного касалась дорог и станций.

– Поэтому мне нужны контрольные данные, сказала Ася. – Не новые контакты. Обычные испорченные файлы из старых проектов студии.

Она заранее отобрала сорок семь случаев: потерянные координаты интервью, неверные адреса съёмок, повреждённые фотографии, рассинхронизированные субтитры, ошиб-

ки облачного архива. Марк узнал проекты за семь лет. В одном они снимали хлебозавод, в другом школьный театр, в третьем семейную мастерскую керамики. Ася нанесла их на отдельную карту.

Точки покрывали город без заметного рисунка.

– То есть обычные ошибки распределены обычно, сказал Марк.

– По нашему маленькому и плохому набору.

– Ты умеешь портить собственные выводы.

– Иначе их испортит кто-то другой.

Дарья попросила объяснить, что именно они уже могут утверждать. Не предполагать, не показывать красивым наложением, а утверждать.

Ася перечислила: у аномальных файлов есть географические привязки; большинство относится к транспортным узлам; красная группа сохраняет между точками маршруты, которых нет ни на одной известной местной исторической схеме; центр плотности находится в районе «Литейной». Последняя формулировка потребовала расчёта. Она открыла таблицу и показала три способа определить центр. Два приводили к станции, третий ставил метку на квартал ближе к реке.

– А жёлтая группа? – спросил Виктор.

– Слишком мало точек. Дом за типографией и пропущенный этаж. Если я добавлю твоё ощущение планировки, смогу поставить ещё три адреса, но это будет карта моих догадок.

– Не добавляй.

Он наклонился над красным слоем. Проезд от «Литейной» к реке был нарисован тонкой линией. Во время первой городской проверки он уже видел его иначе: лестница, стеклянные двери, белое объявление, сырой воздух. Тогда дежурная сказала, что выхода 6 нет и технический коридор закрыт около восемнадцати лет. Позднее Север описал действующий выход с тем же номером.

Виктор нашёл точку пальцем, не касаясь плёнки.

– Здесь должен быть выход.

– В каком наборе? – спросил Марк.

Вопрос остановил привычный ответ.

– В красном.

– А в местном?

– Глухая ниша и служебный коридор.

– А в жёлтом?

– Не знаю.

Марк поставил стакан рядом с картой.

– Вот и новая проблема. Раньше ты говорил: я помню выход, которого нет. Теперь говоришь: он есть в одном наборе и отсутствует в другом.

– Это точнее.

– Это опаснее. Ошибку памяти можно проверить. Карту другого контекста можно подогнать под любую ошибку.

Ася поднялась и принесла из аппаратной внешний диск. На нём хранились исходники первой книги, включая запись

поездки Виктора через «Литейную». Копию она не делала: подключила диск к изолированному ноутбуку и открыла файл только для чтения.

Видео длилось одиннадцать минут. Камера висела на груди Виктора и большую часть времени снимала куртки пассажиров, плитку пола и рекламные щиты. Никакой тайной географии в кадре не было. В середине записи поезд замедлялся перед станцией. Над дверью мигала маршрутная панель.

Ася поставила воспроизведение покадрово.

На двух кадрах вместо названия следующей станции появлялось LIT-6.

– Мы это уже видели, сказал Виктор.

– Видели вспышку. Не связывали с другими файлами.

– Технический код, сказал Марк.

– Вероятно.

– Почему вероятно звучит хуже, чем вчера?

Ася показала служебные поля файла. Время кадров не нарушалось, контрольная сумма исходника совпадала с сохранённой при выгрузке, следов поздней вставки не было. Это не делало надпись невозможной. Панель могла показать диагностический код, а камера честно его записать.

Затем она открыла грозовой прогноз с суффиксом 17. Внутри миниатюры, не на видимой странице, сохранилась строка пути: `cache/transit/LIT-6/north`.

Марк приблизил текст.

– Погодный сервис использует транспортный каталог?

– Может использовать общий кэш. Может получить имя от рекламной сети. Может быть мусором из предыдущего файла.

– А ранний запрос про маршрут 23?

– Та же строка без north.

В комнате стало тихо. Не торжественно, а неловко, как бывает после обнаружения чужого пароля на общем компьютере.

– Почему ты не сказала вчера? – спросил Виктор.

– Потому что вчера я искала человека в квартире. Сегодня проверила места.

Дарья попросила закрыть диск. На одиннадцатой секунде после остановки записи Виктор машинально посмотрел на собственную левую руку. Кольца не было. Он положил ладонь на колено и назвал пять предметов вокруг. Дарья не стала превращать это в публичный экзамен, только засекала время восстановления.

– На станцию идти обязательно? – спросила она.

Марк ответил раньше остальных:

– Нет.

Ася посмотрела на него.

– Ты полчаса ждал, когда сможешь предложить именно это.

– Поэтому и знаю, что необязательно. У нас есть открытая зона, никаких дверей взламывать не нужно, но сегодняшний визит ничего не докажет. Мы увидим ту же стену.

– И проверим телефоны возле неё, сказала Ася.

– Спутниковая навигация под землёй покажет всё, что захочет.

– Не спутниковая. Заранее загруженные схемы, снимок маршрутной панели, время переключения маяков.

Дарья не запретила поездку. Она установила условия: без звукового триггера, без попыток открыть служебные двери, не дольше сорока семи минут под землёй. Виктор мог отказать в любую минуту, и отказ не считался результатом опыта.

Они приехали на «Литейную» после полудня. Марк остался наверху с бумажной схемой района, чтобы сравнивать положение группы без подземной навигации. Дарья ждала в вестибюле. К закрытому коридору пошли Ася и Виктор.

Станция выглядела так же, как в прошлом октябре. Серый камень, молочные плафоны, поток пассажиров, четыре указателя выходов. Возле лестницы продавали воду и дешёвые наушники. Если здесь и существовал центр их карты, он умел быть самым обычным местом в городе.

Ася включила два телефона. Один работал в сети, второй находился в авиарежиме с загруженной накануне картой. Она не записывала лица и держала камеры закрытыми непрозрачной лентой.

У первого аппарата синяя точка прыгнула через реку, вернулась и остановилась у северного вестибюля. Второй не показывал положение вообще.

– Пока образцовая скука, сказала она.

Они дошли до прохода, за которым Виктор когда-то искал выход 6. Белого объявления уже не было. На стене висела реклама ремонта обуви. Справа находилась металлическая дверь с табличкой СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ. Ни лестницы, ни стеклянных дверей, ни сырого воздуха.

Виктор смотрел не на дверь, а на плитку перед ней. Три серых ряда, один синий, затем снова серый. Синяя плитка была положена по диагонали. Подобный дефект встречался в других местах и давно перестал быть доказательством чего-либо. Он всё равно заметил его первым.

– Не фотографируй, сказал он.

Ася убрала поднятый телефон.

– Почему?

– Потому что мы уже знаем, как выглядит плитка.

Он достал бумажную схему. В местной версии за стеной располагались кабельная ниша и узкий технический коридор, который не доходил до поверхности. На красной плёнке из студии линия продолжалась к старой лестнице и выходила ближе к реке.

Ася приложила к схеме прозрачную копию. Масштабы немного различались. Она совместила платформу, северный вестибюль и край тоннеля. Проход из красного набора начинался не за металлической дверью.

Он начинался на шесть метров левее, за рекламой ремонта обуви.

Там была сплошная облицовка.

– Значит, память неточная, сказал Виктор.

– Или схема.

– Какая?

Ася не ответила. Она постучала костяшкой по собственной бумажной папке, не по стене.

Из динамика объявили задержку поезда на соседней линии. В момент включения табло над переходом погасло, затем показало названия станций. Между ними на долю секунды возникло короткое ЛИТ. Цифры Виктор не увидел.

Ася смотрела в другую сторону.

– Что там было? – спросила она по его лицу.

– Не знаю. Похоже на первые три буквы.

– Ты уверен?

– Нет.

Она записала в блокнот: со слов Виктора, низкая уверенность. Не стала ждать повторения и не направила телефон на табло.

В сетевом аппарате синяя точка переместилась к реке. Марк позвонил почти одновременно.

– По бумажной схеме вы всё ещё под станцией, сказал он.

– Спасибо, Марк.

– Я полез.

– Телефон считает, что мы у набережной.

– А второй?

– Не считает ничего.

Марк предложил подняться. Условия проверки уже были выполнены, а любое дальнейшее ожидание лишь увеличивало шанс найти красивое совпадение. Ася согласилась с заметным раздражением, направленным не на него, а на разумность его слов.

На выходе Виктор задержался у схемы метро. Выходы обозначались цифрами от одного до четырёх. Под стеклом в нижнем углу темнел след от снятой наклейки. Прямоугольник был достаточно широк для одной цифры, но мог остаться от цены, инвентарного номера или объявления.

Он прошёл мимо.

Наверху Марк стоял у газетного киоска. Перед ним лежала сложенная карта и четыре монеты, которыми он прижал углы. Пока ждал, он попросил продавца отметить прежнее расположение автобусных остановок до перестройки площади. Тот отказался, и Марк не стал объяснять, зачем ему это нужно.

– Горжусь собой, сообщил он.

– Ты спросил незнакомого человека о прошлом места, сказала Дарья.

– И принял отказ.

Они вернулись в студию наземным транспортом. Ася намеренно выбрала маршрут с двумя пересадками. На первом участке сетевой телефон показывал точное положение. Возле старого рынка метка на несколько секунд перескочила к трамвайным путям, где в июле заглохла маршрутка. У депо

она сместилась на параллельную улицу. У «Литейной» снова оказалась ближе к реке.

– Три транспортных узла, сказал Виктор.

– Три места с плохими условиями для позиционирования, ответила Ася.

На телефоне в авиарежиме ничего не произошло. Бумажная карта Марка не изменилась ни разу.

В студии они перенесли результаты на новый прозрачный слой. Дарья заставила Виктора сначала поесть. Он выбрал запечатанный йогурт и яблоко, вслух назвал их до первого укуса и только потом заметил, что снова выполнил проверку без просьбы.

– Можно просто обедать, сказала Дарья.

– Можно. Я тренируюсь.

– Тренировка заканчивается вместе с упражнением.

Он отложил блокнот.

Ася внесла скачки навигации серым цветом, не красным. Их нельзя было считать подтверждением группы 17: все три объяснялись сетью, тоннелями и отражённым сигналом. Зато маршрут поездки дал ей контрольную линию. Она наложила её на прежние данные и долго двигала прозрачные листы, совмещая разные ориентиры.

– Ты подгоняешь? – спросил Марк.

– Проверяю, что нужно сдвинуть, чтобы линии совпали.

– Это определение подгонки.

– Поэтому результат будет гипотезой.

Она совместила не улицы, а точки выбора: платформы, повороты, остановки, входы в переходы. Красные маршруты легли друг на друга лучше. Они не изображали другой Реченск целиком. Между узлами оставались пустые пространства, где нельзя было сказать, какой дом стоит на углу и существует ли двор. Зато способы перейти из одного участка в другой сохранялись с неожиданной точностью.

Виктор снял с пола лист ОТКУДА и положил рядом новый.

На нём написал: КАК ДОЙТИ.

– Куда? – спросил Марк.

Виктор указал на «Литейную». Почти все красные линии либо проходили через станцию, либо могли быть продолжены к ней одним транспортным отрезком. Но одна линия упиралась в старый рынок, другая заканчивалась у типографии, третья уходила под реку. Если продлевать их произвольно, центром можно было сделать половину северного берега.

– Не надо дорисовывать, сказала Ася.

Она убрала линейку из его руки.

– Тогда у нас нет центра.

– Есть участок с наибольшей плотностью. Это не одно и то же.

Марк вернулся к исходной таблице и добавил ещё один столбец: связь с транспортом подтверждена независимо. У девяти из тринадцати точек появился плюс. Две получили вопрос, две минус. Затем он отсортировал их по источникам.

Местные ошибки не образовали маршрута. Серые тоже. Красная группа сохранила последовательность: старый рынок, трамвайные пути, «Литейная», северный проезд, берег. В таком порядке по ней можно было двигаться. Ни одна действующая городская линия не соединяла все точки, но каждый отдельный отрезок существовал сейчас или существовал раньше.

Ася не позволила им остановиться на этом результате. Она пронумеровала красные точки и попросила Марка называть любое число от одного до девяти.

– Семь.

– Почему семь?

– Потому что ты запретила десять.

Число стало шагом для перемешивания. Ася семь раз меняла порядок точек, каждый раз соединяя их по тем же правилам: допустим только существующий или документально подтверждённый прежний транспортный отрезок, никаких линий через дворы и воду. В пяти вариантах маршрут распался сразу. В шестом требовал возвращения к одной остановке. В седьмом получалась связанная цепь, но вдвое длиннее исходной и без прохода через «Литейную».

– То есть наш порядок лучший, сказал Марк.

– Из семи случайных. Это не доказательство.

Она повторила проверку на компьютере со всеми возможными перестановками, не меняя правил допустимого отрезка. Ноутбук ненадолго зашумел. Пока программа считала,

Виктор смотрел на карту без названий. В ней было что-то знакомое не как место, а как движение: спуститься, перейти, повернуть раньше нужного, подняться к реке. Он не мог отделить собственную память от красных линий, которые уже видел, поэтому промолчал.

Результат появился через три минуты. Исходная последовательность не была единственной короткой, но входила в четыре процента самых связных. Если убрать «Литейную», связность резко снижалась. Если убрать старый рынок, почти не менялась. Если убрать дом за типографией, не менялась вовсе.

– Дом был приманкой, сказал Марк.

– Дом был нашей гипотезой, поправила Ася. – Карта не обязана отвечать за то, как мы её читали.

Дарья попросила убрать и остальные точки по одной. Депо оказалось важнее, чем ожидал Виктор: без него северная часть распадалась на два участка. Набережная легко заменялась соседней остановкой. Точка погодной станции почти не влияла на маршрут и держалась в группе только благодаря метаданным.

Ася пометила её вопросом.

– Ты ослабляешь собственную карту, сказал Виктор.

– Я отделяю рисунок от желания его увидеть.

Она сохранила не только лучший маршрут, но и все конкурирующие варианты. На стену попал один, потому что бумага требовала выбора. В папке остались двадцать три. Это

число никто не произнёс вслух и не наделил значением: сегодня оно было всего лишь количеством способов соединить неполные данные.

– Город, собранный из разных лет, сказал Марк.

– Возможно, ответила Ася.

– Чужой монтаж.

– Возможно.

– Версия города, где всё это существует одновременно.

Она посмотрела на него.

– Тоже возможно.

Виктор вспомнил красный свет, запоздавший возле аварии, и другого пострадавшего на том же месте. Они сравнивали людей, погоду, этажи, названия файлов. География казалась нейтральной рамкой, в которой эти детали менялись. Карта показывала обратное. Рамка тоже имела варианты.

– Мы называли источниками голоса, сказал он. – Север, человек из квартиры, я. Но файлы не обязаны приходить от человека.

Дарья спросила:

– От чего тогда?

– От места, где его путь складывается именно так.

Марк перечитал фразу в таблице и не стал её исправлять.

Они договорились не искать вход за стеной «Литейной». Для этого не было ни основания, ни безопасной процедуры. Ася сохранила четыре слоя отдельно и сделала пятую карту, на которой не было улиц. Только тринадцать точек и соеди-

няющие их отрезки. Без городского фона рисунок напоминал схему пересадок неизвестной системы.

В правом нижнем углу она указала дату: 7 августа 2030 года. Ниже перечислила ограничения выборки и земные объяснения. Название дала самое скучное: географическое распределение расхождений, версия 1.

Марк распечатал её на одном листе. Принтер протянул бумагу, задержал край и выпустил страницу с тонкой белой полосой через середину. Полоса прошла точно через «Литейную», разорвав четыре линии.

– Перепечатать? – спросил он.

Ася осмотрела барабан принтера. На нём была пыль.

– Да. А эту выбросить.

Марк смял испорченный лист, но Виктор попросил развернуть. Не ради белой полосы. На обороте проступили следы предыдущего задания печати: смазанная таблица расходов студии. В одной строке стояло сокращение ЛИТ, в соседней ячейке цифра 6.

– Литры, шесть упаковок, прочитал Марк. – Вода для съёмки в июне.

Виктор отпустил бумагу.

Марк выбросил её в корзину.

Новая копия вышла чистой. На ней линии не обрывались, сокращений не было, а «Литейная» оставалась всего лишь одной из станций. Они прикрепили карту рядом с четырьмя колонками, не поверх них.

К вечеру на стене появились два вопроса: ОТКУДА и КАК ДОЙТИ.

Между ними Ася оставила расстояние в ширину ладони. Ответа там не было. Только маленькая отметка выхода 6, который в одном согласованном наборе вёл к реке, а в их городе заканчивался стеной.

Часть II. Пропавшие связи

Глава 9. Имя на чеке

Девятого августа Марк наконец понёс возвращать зонт.

Он простоял в углу студии с прошлой осени, пережил переезд двух шкафов и однажды попал в кадр интервью о бережном отношении к чужим вещам. Чёрная ткань выцвела вдоль сгибов, деревянная ручка была обмотана зелёной изолентой. Марк купил новую ленту, но решил не заменять старую: Костя мог счесть ремонт ещё одной формой присвоения.

Кафе называлось «Створ» и занимало первый этаж дома напротив типографии. Именно там Марк покупал кофе перед вчерашней работой с картой. В утренней очереди стояли трое. За стойкой работала девушка, которую он видел несколько раз, но имени не знал.

– Костя сегодня будет? – спросил Марк.

Она посмотрела на зонт.

– Какой Костя?

– Рябинин. Он обычно открывает по пятницам.

– У нас нет Рябинина.

Марк положил зонт на край стойки, чтобы освободить руку, и достал телефон.

– Высокий, борода рыжая, всё время разбивает стаканы, хотя работает в кофейне.

– Это, кажется, Игорь. Но он не рыжий.

– Игорь считает, что кофе горчит из-за давления. Костя считает, что из-за людей.

Девушка улыбнулась из вежливости. Очередь за Марком стала длиннее.

– Может, в другом филиале?

– Он здесь работал вчера утром.

– Вчера открывала я.

Марк нашёл переписку по слову Костя. Телефон показал сообщения от двух Константинов, но Рябилина среди них не было. Поиск по фразе зонт у меня дал Варю, Виктора и старую записку без адресата. Контакт, который он помнил под именем Костя Створ, отсутствовал.

Он отошёл от кассы.

– Позовите управляющего.

– Он после двенадцати.

– Тогда скажите, кто работал седьмого числа в восемь утра.

Девушка перестала улыбаться.

– Я не могу показывать расписание.

– Не показывайте. Просто имя.

– Зачем?

Марк посмотрел на зонт, который теперь лежал между банкой печенья и терминалом. Объяснение про исчезнувшие

го бариста прозвучало бы хуже требования расписания.

– Я хочу вернуть его владельцу.

– Оставьте в бюро находок.

– Он не находка.

Сзади попросили пропустить очередь. Марк забрал зонт и вышел.

На улице он снова открыл адресную книгу. Костя несколько раз помогал «Конттуру» на съёмках: держал отражатель, возил стойки на старом фургоне, однажды заменил осветителя, который не пришёл. Марк платил ему переводами. Банковское приложение не находило фамилию. В истории расходов были суммы, которые он узнавал: четыре тысячи восемьсот, шесть тысяч, две по три с половиной. Получателями значились магазин техники, служба доставки и человек по имени Олег.

Можно было ошибиться в суммах. Нельзя было ошибиться во всех сразу с одинаковой уверенностью.

Марк позвонил Виктору.

– Ты знаешь Костю Рябинина?

– Нет.

– Не торопись.

– Ты задал вопрос.

– Он помогал нам на съёмке мастерской. Уронил стойку в глину.

– Стойку уронил я.

– Ты уронил микрофон.

– Марк, где ты?

– У кафе.

– Что случилось?

– Пока человек переехал.

Виктор помолчал.

– Куда?

– Вот это хороший вопрос.

Он попросил Виктора не звонить никому и поехал в студию пешком. Дорога занимала двенадцать минут. За это время Костя успел получить три биографии.

Первую сообщил Игорь, которому Марк всё-таки позвонил. Костя работал в «Створе» несколько месяцев и весной уехал в Ярославль к девушке. Вторую нашла поисковая строка в старом групповом чате: кто-то поздравлял Константина Рябинина с переездом в Тулу два года назад. Третью предложил сам телефон, когда Марк набрал фамилию в браузере: мастер по ремонту велосипедов из Перми, на одиннадцать лет старше и без бороды.

Игорь говорил уверенно.

– Ты сам его провожал, сказал он. – Мы сидели у меня. Ты ещё обещал отправить остаток за съёмку.

– Какую съёмку?

– Про керамику. Или про район, не помню. Он тогда уже коробки собрал.

– Когда это было?

– Весной.

– Какого года?

– Марк, я на объекте.

– Какого года?

– Прошлого. Наверное. Позвони ему сам.

– Номера нет.

– Значит, удалил.

Разговор закончился звуком дрели.

Возле студии Марк заметил, что всё ещё несёт раскрытый зонт, хотя дождя не было. Он сложил его и увидел под застёжкой выведенные белым маркером буквы КР. Надпись выглядела старой, края стёрлись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.